

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>БАН</i>	— Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
<i>ГИМ</i>	— Государственный исторический музей (Москва)
<i>ИОРЯС</i>	— Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
<i>ИРЛИ</i>	— Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)
<i>ОЛДП</i>	— Общество любителей древней письменности
<i>ПДП</i>	— Памятники древней письменности
<i>ПСРЛ</i>	— Полное собрание русских летописей
<i>РГАДА</i>	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
<i>РГБ</i>	— Российская государственная библиотека (Москва)
<i>РНБ</i>	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
<i>ТОДРЛ</i>	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
<i>ФИРИ</i>	— Филиал института российской истории (Санкт-Петербург)

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

Повесть дошла до нас в единственном списке XVII—XVIII вв. (в сборнике *РНБ*, собр. Погодина, № 1773, л. 295—305 об.). Она была открыта в 1856 г. А. Н. Пыпиным, когда тот познакомился с погодинским собранием. И тогда же впервые опубликована Н. И. Костомаровым в мартовском выпуске «Современника».

В тексте Повести есть непонятные места, ошибки и повторы, причем некоторые из них были замечены переписчиком: они взяты в тексте рукописи в прямые скобки. В настоящем издании повторы, отмеченные скобками и не отмеченные, исключены, сделано несколько необходимых исправлений (набрано курсивом); непонятные места даются без толкований.

Стр. 32. ...неправдѣ... — В рукописи: «правде».

...перечине — В рукописи: «ечерине».

Стр. 34. ...меду... — В рукописи: «и мему сладково».

Стр. 38. ...нази... — В рукописи: «нани они во гробъ вселилися». Исправлено, во-первых, потому, что далее упоминается босота и нагота, а во-вторых, ошибочно «ни» в слове «нази» могло появиться из-за последующего «они».

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

«Повесть о Савве Грудцыне» написана в 60-х гг. XVII в. как эпизод из недавнего прошлого. Она начинается с 1606 г., когда «попусти Бог на Московское государство... Гришку Отрепьева»; герой принимает участие в борьбе с поляками за Смоленск в 1632—1634 гг. Безымянный автор пишет не историю России, он рассказывает о частной жизни купеческого сына Саввы Грудцына. Повесть на русском материале разрабатывает фаустовскую тему: тему продажи души дьяволу за мирские блага и наслаждения.

Грудцыны-Усовы — существовавшая в реальности купеческая фамилия. Ее представители торговали в Москве и Великом Устюге, участвовали в земских соборах и закладывали храмы, входили в гостиную сотню, т. е. принадлежали к самой верхушке торгового сословия (данные о них см.: Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // ТОДРЛ. Т. II. М.; Л., 1935. С. 181—214; Т. III. М.; Л., 1936. С. 99—152). Возможно, что повесть отразила какие-то реальные беды, пережитые этой семьей, что беспутный недоросль из рода Грудцыных-Усовых соблазнил замужнюю купчиху. Возможно также, что «присушить» купчиху он пытался с помощью сатаны.

В «Повести о Савве Грудцыне» использованы две сюжетные схемы. Это, во-первых, схема «чуда», религиозной легенды с ее, как правило, тремя сюжетными узлами: прегрешения, несчастья или болезни героя; затем покаяние, молитва, обращение к Христу, Богородице, святым за помощью и наконец — отпущение греха, исцеление, спасение. В повести отразились религиозные легенды о юноше, который согрешил, продав душу дьяволу, затем покаялся и был прощен (см. наблюдения Д. С. Лихачева в кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 525—536).

Второй сюжетный источник повести — волшебная сказка (см.: ТОДРЛ. Т. XXVII. Л., 1972. С. 290—304). Сказкой навеяны сцены, в которых бес выступает как волшебный помощник, «даруя» Савве «премудрость» в военном деле, снабжая его деньгами, излечивая от раны. К сказке восходят поединки Саввы с тремя вражескими богатырями под Смоленском (троичная символика здесь явно фольклорного происхождения).

Автор строит повествование то по законам «чуда», то по стереотипам сказки. В художественном отношении эти переключения с одного сюжетного прототипа на другой, с религиозной легенды на сказку и снова на религиозную легенду создают эффект обманутого ожидания, не характерный для средневековой литературы, когда знакомая сюжетная ситуация влекла за собой другую,

столь же знакомую. Такой прием характерен для искусства Нового времени, в котором ценится неожиданное и непривычное. Именно поэтому «Повесть о Савве Грудцыне» принято считать первым русским опытом романа.

Для автора важна мысль о разнообразии, пестроте жизни. Многообразие жизни очаровывает молодого человека. С точки зрения автора, совершенный христианин обязан противиться этому наваждению. Автора ужасает плотская страсть, как и вообще стремление к наслаждению. Но сила любви-страсти, притягательность пестрой жизни уже вошли в плоть и кровь людей «бунташного века». Автор противится новым веяниям (поэтому его повесть — печальная повесть), но как истинный художник признает, что эти веяния прочно укоренились в русском обществе.

ВАРИАНТ ОКОНЧАНИЯ:

И егда же приспѣ время июля 8-го числа, бысть праздник Пресвятыя Богородицы Казанския. Абие повелѣваетъ царь болящаго оного Савву нести до церкви. Бысть же в той день хождение крестное из соборныя апостолския церкви Пресвятыя Богородицы, в том же году был и самъ царь.

И егда же начаша Божественную литургию, принесенну же бывшу болящему оному Саввъ и положену внѣ церкви на коврѣ. Егда же бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, и се внезапно бысть глас, яко бы громъ велий возгремѣ: «Савво, востани, что бо медлиши, и прииди в церковь! Мню, здравъ будеши. К тому не согрѣшай». И абие спаде¹ от верху церкви богоотметное оное писание Саввино, все заглажено, что никогда же писано, предъ всѣмъ народомъ.

Царь же, видѣвъ сие чудо, велми подивися. Болный же той Савва скочивъ с ковра, яко бы никогда больвъ, и притече скоро в церковь, паде предъ образомъ Пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати: «О преблагословенная Мати Господня, христианская заступница и молебница о душахъ нашихъ к сыну своему и Богу! Избави от пропасти адския, азъ вскорѣ исполню обѣщание свое».

Сие же слышавъ, великий государь, царь и великий князь Михайло Федоровичъ всея России повелѣ призвати к себѣ оного Савву, и воспросивъ ево о бывшемъ видѣнии. Он же повѣда ему все по ряду и показавъ писание свое. Царь же подивися зѣло милосердию Божию и несказанному чудеси.

Егда же отпѣша Божественную литургию, поиде Савва в домъ сотника Иакова Шилова. Сотникъ же той и жена его, видѣвъ над нимъ милосердие Божие, благодаривъ Бога и Пречистую его Богоматерь. Потом же Савва раздавъ все имѣние свое, елико имѣяше, убогимъ, сам же иде в монастырь Чюда архистратига Михаила, идѣже лежатъ мощи святителя Божия Алексия митрополита, еже зоветца Чюдовъ. И восприявъ иноческый чинъ, и нача тутъ жити в постѣ и молитвахъ, безспрестанно моляся Господеву о согрѣшении своемъ. В монастырь же ономъ поживъ лѣта доволна, ко Господу отиде, идѣже святити пребываютъ. Буди же Вседержителю Богу слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

«Повесть о Савве Грудцыне» публикуется по списку *РНБ*, Q.I.762 (середина XVIII в.), л. 73 об.—99 об. По классификации М. О. Скрипиля (ТОДРЛ. Т. V. М.; Л., 1947. С. 225—308) список принадлежит к первому варианту I редакции. В этом списке сюжет передан достаточно точно, но архаизированный язык произведения несколько облегчен. Исправления, дополнения и вариант окончания даны по списку *РНБ*, Q.XVII.196 (середины XVIII в.), л. 110—122.

Стр. 44. ...оставляетъ великий градъ Устюгъ... — После того как летом 1612 г. интервенты были разгромлены у стен Москвы, два отряда, состоявшие в основном из «черкас», т. е. запорожских казаков, двинулись на север. Они разграбили вологодский Прилуцкий монастырь, захватили Сольвычегодск, а в конце января 1613 г. предприняли два приступа на Великий Устюг, но были отбиты (см.: Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 374—377).

...до лѣтъ благочестиваго царя... Михаила Федоровича... — Царь Михаил Федорович правил с 1613 по 1645 г.

Обычай же имѣяше той Фома куплю дѣяти... — Казань была центром торговли с Востоком, в частности с Персией.

¹ упало.

Стр. 45. *...бысть мещанинъ именемъ Бажень Второй...* — Бажен — мирское имя. Определение «Второй» говорит о том, что у него был старший брат с тем же прозвищем, Бажен Первый.

...поять ея сущую дѣвою. — Это значит, что третьим браком Бажен женился не на вдове, а на девице.

Стр. 49—50. *...стѣны и помость... и веду тя к нему.* — В рукописи отсутствует; восполняется по списку РНБ.

Стр. 50. *...около его стояща множество юношей крылатыхъ, лица же ихъ овыхъ сини, овыхъ багряны, инья яко смола черная.* — По православным представлениям, божественному «свету» противопоставляется дьявольская «тьма» (она «кромешная», потому что вне, «кромешно» света). Соответственно сам дьявол и его слуги «темны», отчего и назывались обычно «синьцами» и «ефиопами».

Стр. 52. *...по ево, великаго государя, указу во всей России набираху новобраныхъ салдатъ.* — Формирование (по западному образцу) солдатских полков началось в 1630 г. Воинскому артикулу их обучали служилые иноземцы.

Стр. 53. *...немалу власть имяше шуринъ царевъ бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрешневъ.* — Имеется в виду брат царицы Евдокии Лукьяновны, урожденной Стрешневой. Чином боярина был пожалован позднее.

Стр. 54. *...тогда былъ командующимъ бояринъ Федоръ Ивановичъ Шеин.* — В действительности Шеина звали Михаилом Борисовичем. За неудачную осаду Смоленска он был обвинен в измене и казнен в 1634 г.

Стр. 55. *Боярин же нача его нелѣпыми словами поносити...* — По царскому указу торговых людей в солдатские полки не записывали, поэтому воевода и прогоняет купеческого сына из войска.

Стр. 57. *...Казанскія Богородицы, что в Китае...* — Церковь Казанской Божьей Матери в Китай-городе, на Красной площади, «на пожаре».

ПОВЕСТЬ НИКОДИМА ТИПИКАРИСА СОЛОВЕЦКОГО О НЕКОЕМ ИНОКЕ

Повесть была создана в 1640—1650-е гг., вероятно в Троице-Сергиевом монастыре. События повести приурочены к 1638 г. и излагаются от лица самого героя, безымянного троицкого инок, который, как сообщается в начале произведения, поведал свою историю типикарису (уставщику) Соловецкого монастыря Никодиму, а тот в свою очередь пересказал ее неизвестному автору.

Композиционно повесть четко распадается на две части. В основе каждой из них лежит традиционная схема религиозной легенды: прегрешение и болезнь героя — его покаяние и обращение за помощью к небесным силам — прощение и исцеление (см. наблюдения А. М. Панченко в: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 503—513). Первая часть повести написана в жанре видений потустороннего мира и является одновременно чудом архангела Михаила. Вторая же часть — типичная богородичная легенда, рассказ о чуде исцеления от иконы Богородицы в Нерехте. Несмотря на натурализм отдельных сцен, повествование выдержано в целом в традициях абстрагированного житийного стиля. Автор насыщает текст библейскими цитатами (преимущественно из Псалтири), использует «высокую» книжную лексику («жест наказания», «радованною ногою» и др.).

В повести разрабатываются традиционные для «душеполезной» литературы темы: пагубность греха и благодатность покаяния, столкновение человека с враждебными силами и сопротивление им. Исходной «архетипической» основой для автора повести послужила известная евангельская притча о блудном сыне (Лк. 15, 11—32). С этой притчей и различными ее литературными интерпретациями (ср.: Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Савве Грудцыне и др.) повесть объединяет не только идея о всеисильности покаяния и о милосердии Творца. Здесь получает развитие восходящая к

этой притче и столь актуальная для XVII в. тема скитальчества. Как и герои повестей о Горе-Злочастии и о Савве Грудцыне, «некий инок» все время находится в пути. Из Соловецкого монастыря он уходит в Троицкий монастырь, оттуда — в одно монастырское село, затем — в другое. Он оказывается то в Костроме, то в Нерехте, то на Соловках, путешествует и наяву, и в видении. Его путь не ограничивается земными пределами: герой поднимается к небесному престолу, спускается в преисподнюю. Инока как бы преследуют его собственные грехи: он предается неумеренному пьянству и «всякой нечистоте», временно избавляется от этих «недугов», но вскоре подчиняется им вновь. Такая подвижность героев, колебания в их судьбе, переменчивость и неустойчивость их положения вообще являются типичными чертами в изображении человеческой жизни русскими писателями XVII в.

Посещение иноком матери («...в мегновении ока обрѣтохомся во градъ Костроме, в немже мати моя живяше, и с нею видѣхся, еще бо тогда жива бяше») — сразу после обещания отказаться от греховной жизни — по своей человеческой сути напоминает ту материнскую «напевочку», которую поет безымянный молодец в Повести о Горе-Злочастии и которая отвращает его от Гора (см.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 143). Ассоциацию с сюжетом о блудном сыне поддерживает и еще одна важная деталь повести: все злоключения инока происходят после ухода его из Соловецкого монастыря, где началась его иноческая судьба, и до возвращения в него. «Идѣже власы своя остригох, тамо бы и кости своя положи-ти» — такова реализованная в повести «монастырская» версия этой притчи. В описании жизни своего героя автор повести не поднялся до такого исторического и философского обобщения, каким отличаются истории других «блудных сыновей» «бунташного века» (Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Савве Грудцыне). И все же само сходство — пусть очень отдаленное и неполное — судьбы инока с судьбами этих персонажей свидетельствует о том, что в повести оказались запечатлены некоторые характерные черты эпохи.

Повесть известна сейчас в трех редакциях, две из которых были созданы в середине XVIII в. в Выговской поморской пустыни (наиболее существенная особенность этих поздних редакций — сокращение второй части). Исследование и издание всех редакций повести см. в: Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке / Подгот. текстов и исслед. А. В. Пигина. СПб., 2003. Повесть публикуется в ее первоначальной редакции по списку 1680—1690-х гг.: Государственный объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (г. Владимир), № В-5636/76, л. 116—122. Отдельные исправления и добавления внесены по другому списку первоначальной редакции: РГБ, Музейное собр., № 5470, л. 426 об.—432 об., кон. XVII в., а также по списку второй (Выговской) редакции: ИРЛИ, Карельское собр., № 37, л. 316—324 об., сер. XVIII в.

Стр. 59. Никодим (ум. 1655) — уставщик (типикарис) Соловецкого монастыря в первой пол.—сер. XVII в. Известно, что Никодиму был сдан по приговору от 27 июля 1649 г. «под крепкое начало» сосланный на Соловки «на покаяние» Арсений Грек. Никодим был причастен к созданию Жития Анны Кашинской (до 1652 г.), которое по его повелению писал соловецкий книжник Игнатий. Подробная характеристика Никодима как человека книжного, просвещенного в духовных богословских вопросах, дана соловецким книжником Герасимом Фирсовым в его «Показании от божественных писаний». До нашего времени сохранились некоторые рукописи, принадлежавшие Никодиму (РНБ, Соловецкое собр., № 575/594 и др.). Не исключено, что повесть о «некоем иноке» была написана неизвестным автором по поручению Никодима (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 51—52; Ч. 4. С. 506—507).

...о нѣкоемъ братѣ... — По мнению О. В. Панченко, «реальным прототипом героя мог быть старец Ипатий Ожега, соловецкий пострижник, происходивший из Костромы и находившийся в 1630—1640 гг. на службе в Троице-Сергиевом монастыре» (см.: Словарь книжников... Вып. 3. Ч. 4. С. 507).

...киновиархъ Зосимы и Саватия... — Святые Зосима и Савватий Соловецкие (XV в.), основатели общежительного монастыря (киновии) на Соловецком острове в Белом море.

Михаил Федорович — первый русский царь из династии Романовых (1613—1645).

И аще не Господь Богъ помогль бы ми, в малѣ вселилася бы во ад душа моя... — Ср.: Пс. 93, 17.

«Накажет мя праведникъ милостию... и в разум истинный приити». — Ср.: Пс. 140, 5; Иез. 33, 11; 1 Тим. 2, 4.

Стр. 60. *...во дни пентикостиа, близ праздника Святаго Духа сошествия...* — Т. е. незадолго до праздника Троицы, пятидесятого дня после Пасхи.

«Спящи бо в нощи спят, и упивающися в нощи упиваются». — 1 Фес. 5, 7.

Тогда нападе на мя боязнь, и страх, и трепет, и ужасъ объятъ мя. — Ср.: Пс. 54, 6.

...щедроты его на всѣх дѣлах его. — Пс. 144, 9.

Поженѣте и имѣте его. — Пс. 70, 11.

...фиаль горести своя на мя излиати. — Ср.: Апок. 16, 1.

...яко челы сот обыдоша мя. Аз же именем Господним противляхся им. — Ср.: Пс. 117, 12.

...«О тебѣ радуется»... — Молитва Богородице, составленная Иоанном Дамаскиным.

Стр. 61. *...миръ и утвержение... внезапно нападе на мя всегубительство.* — Ср.: 1 Фес. 5, 3.

Стр. 62. *«Врази мои душу мою удержаша, уста их глаголаша гордыню, изгонящи мя нынѣ обыдоша мя».* — Ср.: Пс. 16, 9—11.

И начаша глаголати мнѣ с поношением: «Гдѣ суть Богъ твой?» — Ср.: Пс. 41, 11.

И тако врази мои рѣша мнѣ злая: «Се нынѣ уже умерлъ еси, и погibe имя твое от земля живыхъ». — Ср.: Пс. 40, 6.

Держаще и душу мою и вкупѣ глаголюще: «Нынѣ уже... нѣсть избавляяй его». — Ср.: Пс. 70, 10—11.

И тако на мя шептаху... глаголюще: «Сердце его собра беззаконие ему». — Ср.: Пс. 40, 7—8.

Михаил — архангел Михаил, предводитель небесного воинства. Роль освободителя от бесов и проводника по загробному миру отводится Михаилу и во многих других древнерусских произведениях, а также в духовных стихах.

Пенязь — мелкая медная или серебряная монета.

Стр. 64. *Елисей* — исторические сведения о нем отсутствуют. В более поздней редакции повести, составленной в сер. XVIII в. в Выговской поморской пустыни, инока сопровождает в его путешествии некий «блаженный» Тимофей, «Христа ради юродивый», «живый на Кулишках в Москве» (ИРЛИ, Карельское собр., № 37, л. 323 об.).

Церковь Спасова — главный соборный храм Соловецкого монастыря в честь Преображения Господня.

Церковь преподобных — придел Преображенского собора, где почивали мощи преподобных Зосимы и Савватия Соловецких.

...се есть зовомая кикимора... — Вероятно, это первое упоминание кикиморы в русской литературе (изредка кикимора упоминалась также в актовом материале XVII в.). Семантика этого мифологического персонажа в повести близка народным представлениям о кикиморе как о духе сна, ужасном ночном привидении, кошмаре.

Великая четыредесятница — Великий пост, заканчивающийся Пасхой.

Стр. 65. *Объятъ же мя страх велий, и вниде трепетъ в кости моя...* — Ср.: Иов. 4, 14.

...о обличении моемъ о беззакониих моих. — Ср.: 2 Петр. 2, 16.

...яко зол душа моя наполнися, и живот мой аду приближихся... — Канон Пресвятой Богородице, песнь 6, ирмос (Часослов, Павечерница малая).

...страшно есть еже впасти в руцѣ Бога живаго. — Евр. 10, 31.

...уповаю на милость Божию... — Пс. 51, 10.

...милостивъ и щедръ... — Пс. 110, 4.

...«Поражаю и аз исцѣлю». — Вт. 32, 39.

«Во гнѣвъ же моемъ поразих его и за милость мою исцѣлихъ ѱ». — Ср.: Ис. 60, 10.

Поприще — древнерусская путевая мера (около 1.067 км).

В том селѣ есть монастырь... Богородицы нареченныя Владимерския. — В 1630-е гг. в Нерехте прославились своими чудотворениями две богородичные Владимирские иконы, сказания о которых сохранились лишь в поздних переработках XVIII в. (РНБ, собр. Титова, № 3716). Обе иконы были перенесены в Нерехту из Ярославля (одна — в 1634 г., другая — в 1636 г.) и находились в Сретенском женском монастыре.

Стр. 66. *Идѣже умножися грѣхъ, ту преизбыточествова благодать.* — Рим. 5, 20.

Кто Богъ велий... творяй чудеса един. — Ср.: Пс. 76, 14—15.

Наказал мя еси от юности моя... от бѣзднѣ грѣховныхъ паки возвелъ мя еси. — Ср.: Пс. 70, 17—20.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

Бесспорно замечательная по своим художественным достоинствам, «Повесть о Фроле Скобееве» до сих пор продолжает оставаться предметом научных споров. Время ее создания не может пока считаться аргументированно установленным и варьируется от 1680 г. (даты, вынесенной в заглавие одного из списков) до 20-х гг. XVIII в. (по некоторым лексическим данным и историческим реалиям). Однако как бы ни был решен впоследствии этот вопрос, несомненно, что «Повесть о Фроле Скобееве» блистательно завершает литературную традицию средневековья. Эта типичная плутовская новелла о ловком обманщике, решившем жениться на стольничьей дочери и обеспечить себе тем самым безбедное существование в будущем, может рассматриваться и как своего рода прообраз будущего жанра святочного рассказа.

Известно 9 списков повести, все они относятся к XVIII в. Текст публикуется по Погодинскому списку (РНБ, собр. Погодина, № 1617, л. 59—71). Подробное изложение истории изучения повести и наиболее полную библиографию см.: Душечкина Е. В. Стилистика русской бытовой повести XVII века. (Повесть о Фроле Скобееве.) Учебный материал по древнерусской литературе. Таллин, 1986.

Стр. 67. *...дворенинъ Фролъ Скобеевъ... столника Нардина-Нащокина...* — Упоминающиеся в повести фамилии зафиксированы документами XVII в. Прототипом стольника Нардина-Нащокина мог послужить боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1645—1676), возглавлявший Посольский приказ.

Святки — с 25 декабря по 6 января (ст. ст.).

Стр. 69. *...денгами 300 рублев.* — Такая значительная для XVII в. сумма вряд ли могла быть в распоряжении стольничьей дочери.

Стр. 70. *...толкo великой ябиды...* — Площадной подъячий, занимавшийся составлением и перепиской деловых бумаг.

Стр. 72. *...на Ивановской площади...* — Ивановская площадь, названная по колокольне Ивана Великого в Кремле, была центром приказно-административной жизни столицы.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

«Повесть о Карпе Сутулове» относится к новому для русской литературы жанру новеллы, появившейся на рубеже XVII и XVIII вв. Для повести характерны черты как древнерусской антиклерикальной демократической сатиры, так и беллетристического произведения нового времени; в ней сочетаются элементы назидательной притчи, веселого рассказа, народной сказки. То, что отрицательными персонажами повести выступают духовные лица, указывает на ее оппозицию официальному укладу, на протест против роли церковников в жизни горожан.

В повести присутствует смех открытый и скрытый: всенародному осмеянию подвергаются незадачливые «любовники» Татьяны, над ними откровенно смеется воевода; скрытый смех заключен в «перевернутости» ролей — вместо того чтобы быть поучаемой и наставляемой, женщина-мирянка сама читает проповеди духовным отцам и пастырям, прибегая к изречениям, напоминающим тексты Священного Писания.

Действие повести происходит в русской среде: читателю хорошо знакомы социальные типы и имена персонажей, места действия — Литва, куда едет купец; воеводский двор, где завершается интрига Татьяны. Тем не менее, как отметил А. Н. Пыпин (История русской литературы. Т. II, изд. 2-е. СПб., 1902. С. 552) и подробнее исследовали Ю. М. Соколов (Повесть о Карпе Сутулове. Текст и разыскания в истории сюжета. М., 1914) и С. Ф. Ольденбург (Фаблю восточного происхождения // Журнал Министерства народного просвещения. 1907, май. С. 46—82), сюжет произведения широко распространен в мировой литературе: подобные сюжеты знакомы «Декамерону» Боккаччо, восточным литературам (древнеиндийской, древнеарабской, персидской, турецкой, афганской). Путь проникновения этого сюжета на Русь не известен. Встречается он в русских сказках, однако ни одна из них не повторяет всех мотивов «Повести о Карпе Сутулове».

Текст издается по единственному списку XVIII в., хранящемуся в Москве (ГИМ, собр. М. И. Соколова, № 196, л. 95—99 об.). В 1914 г. повесть была издана Ю. М. Соколовым по материалам его отца М. И. Соколова, который внес в текст, отличающийся большим количеством опусок и испорченных чтений, много исправлений и конъектур (Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове (Текст и разыскания в истории сюжета). Древности // Труды Славянской комиссии имп. Московского Археологического Общества. Т. IV. Вып. 2. М., 1914). Все публикации повести, предпринятые в советское время, воспроизводили это издание с переводом на современную орфографию. В настоящем издании исправления М. И. Соколова оставлены только в самых необходимых случаях, в остальном сохранены особенности списка.

Стр. 76. *...именем Татиану...* — В переводе с греческого Татьяна — учредительница. *...именемъ Афанаши Бердов.* — Фамилия Бердов встречается в русских документах XVII в. С другой стороны, бѣдро — деталь ткацкого станка,двигающаяся взад и вперед; по свидетельству В. Даля, слово «бѣрдить» означает: «подавшись вперед, пятиться... назад», отступить от слова или дела (Даль В. Толковый словарь. Т. I).

С. 78. *...како я могу убежати от огня будущаго?* — Татьяна говорит об адском огне, в котором будут гореть грешники.

...во всемъ разрешу. — Т. е. отпущу грехи.

...в третьем часу дни... в 6 часу дни... в 10-м часу дни. — В Повести дан древнерусский счет времени. До 1722 г. время дня отсчитывалось от восхода солнца, отчего в разные времена года длительность дня была неодинаковой — от 9 часов в декабре до 15 часов в июне. В быту день делился на заутреню, зарю, раннюю зарю, начало света, восход солнца, утро, середину утра, обедню, обед, полдень, уденье, полуденье, паобед, вечерню, вечер, ночь, полночь. В церковной практике день разделялся на 12 часов или на четыре периода, в которых первые три часа были утром, вторые три часа — первой половиной дня, третьи три часа — второй половиной дня, четвертые три часа — вечером (Прозоровский Д. О старинном русском счислении часов // Труды 2-го археологического съезда в Санктпетербурге. Вып. 2. СПб., 1881. С. 105—194).

Стр. 79. *А не ли же некоему челоуѣку мнози люди похвалиша жену, она же зело зла бляше, он же целомудренны тогда похвалу.* — Это место испорчено; имеется в виду сюжет из «Пчелы» или из «Слова о злых женах»: некто женился на богатой, но злой вдове, которую ему хвалили люди; муж же на это отвечал: «Не ныне ми хвалите, но егда же избуду ея».

...шед во град на воевоцки двор и повелеша доложити воеводѣ... — Упоминание воеводского двора, возможно, указывает на то, что повесть написана до 1708 г., когда городские воеводы еще не были заменены комендантами.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, КУПИВШЕМ МЕРТВОЕ ТЕЛО
И СТАВШЕМ ЦАРЕМ

«Повесть о купце», созданная на основе сказочного сюжета о «благодарном мертвце» (см. записи сказок в сборниках А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, Д. И. Садовникова), разрабатывает тему, характерную для оригинальной русской литературы «переходной поры», — тему необычной судьбы героя и его приключений. В качестве главного героя выступает купеческий сын, и в этом отношении повесть напоминает такие повести XVII в., как «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне». Однако добродетельный и разумный купеческий сын контрастно противопоставлен «блудным сыновьям» XVII в. (он «хочет быть в торгу смыслом лутче» отца и т. п.); а в финале повести, преодолев все испытания, получает богатство, жену-царевну и, наконец, царство. Таким образом, герой повести оказывается литературным и нравственным антиподом Саввы Грудцына: попадая в аналогичную жизненную ситуацию (он полностью растратил отцовские деньги, отпущенные на покупку товара), купеческий сын получает в «помощники» не беса, но ангела, с помощью которого выходит победителем из замысловатых сказочных испытаний. Активность и удачливость купеческого сына напоминает о героях повестей более поздней — петровской — поры, о персонажах типа Василия Кариотского. Повесть не содержит исторических реалий, которые могли бы помочь точно определить время ее создания. Однако тип героя, характер разработки темы судьбы и лексика повести (в списках используются такие слова, как «сенатор», «квартира») сближают ее с началом XVIII в. Новый (по сравнению с XVII в.) тип перипетий (нечаянная встреча с разбойниками, выслеживание купца царским сенатором, тайна его женитьбы на царевне и др.), натурализм описаний — все это отвечало новым читательским вкусам демократической городской среды, ее интересу к литературе приключений. Вполне в духе конца XVII — начала XVIII в. — как сюжетный материал — используются в повести элементы агиографической легенды: герой повести — «вымоленный сын», слугою становится ангел (вместо мертвца, как это было в сказке), погребение происходит в монастыре святого Николая (повесть соотносится с циклом народных легенд о Николе-чудотворце) и др. Совмещение в одном литературном тексте элементов разных жанровых источников привело к тому, что герои начинают совершать действия, не свойственные их жанровому амплу: царь — хитрит, заманивая купца в зятя, ангел — становится убийцей, и др. Дисгармония в литературном этикете изображения героев ведет к стилистической пестроте текста и также указывает на «переходный период» конца XVII — начала XVIII в., как на время создания повести.

Повесть издается по списку середины XVIII в.: РНБ, собр. ОЛДП, Q. 137, л. 1—15 об. (издан в кн.: Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 126—135), с исправлениями (курсивом) по вновь найденному нами списку: ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 2344 (середина XVIII в.).

Стр. 84. ...монастырь чудотворца Николая. — Не может быть локализован географически: известие о нем литературного происхождения.

Сорокоусты — плата за церковное поминовение и службы в течение 40 дней после смерти, а также атрибуты поминального обряда: свечи, ладан, вино.

Стр. 85. ...что сии две дороги... «А сей двор чей?» — Порча текста в ркп., восполняется по списку ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 2344.

Стр. 86. *Купец же... с собою?* — Порча текста в ркп., восполняется по тому же списку.

Стр. 87. *Друшка* — свадебный чин (дружка).

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, ЗАЛОЖИВШЕМСЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ ЖЕНЫ СВОЕЙ

«Повесть о купце...» переведена с польского языка во второй половине XVII в. Ее оригиналом послужила «Historia krotofilna o kurcu, który się z drugim założył o spote żony swoiey» Б. Будного, польского гуманиста конца XVI в., представляющая обработку девятой новеллы второго дня «Декамерона» Дж. Боккаччо. На Руси списки этого произведения встречаются, как правило, вместе с фацециями, а позднее — с новеллами из Великого Зеркала. Возможно, повесть и была переведена вместе с фацециями, т. е. около 1680 г., по польскому изданию «Апофегматы» (1614.), принадлежавшему перу того же Б. Будного: сборник «Апофегмата» русскому читателю в XVII в. был известен.

Восприятие «Повести о купце...» на Руси шло двумя путями: с одной стороны, стремились дословно передать текст, который в итоге пестрит полонизмами и кальками; с другой — повесть существенно редактировалась, в результате сближаясь в проблематике и стилистике с русской литературной традицией. Возникновение русского варианта повести относится к концу XVII в. Известно девять ее списков, но ни один из них не является оригиналом. Так, список *ГИМ*, собр. Соколова, № 75, относящийся к XVIII в., имеет следы основательной правки: изменен порядок эпизодов, ряд их вообще исключен; несмотря на это, объем повести увеличен почти в два раза, так как развернуты характеристики героев, чаще используется прямая речь, усилена религиозно-нравственная тема.

Свидетельством полного усвоения «Повести о купце...» в русской словесности являются воспринявшие ее сюжет сказки («Верная жена», «Как купец бился об заклад о своей жене», «Оклеветанная купеческая дочь», «Три купца», «Оклеветанная жена» и мн. др.). В сказке действие обычно переносится в эпоху, близкую рассказчику, вводятся новые действующие лица, отношения между героями усложняются; переводная новелла, становясь русской сказкой, приобретает национальный колорит и типично сказочные черты.

Текст, близкий польскому источнику, был опубликован по рукописи *БАН*, 45.5.30 в кн.: Державина О. А. Фацеции. М., 1962. В наст. изд. издается по списку: *ГИМ*, собр. Соколова, № 75, XVIII в., л. 233—264.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ ГРИГОРИИ

«Повесть о купце Григории» была создана, скорее всего, на рубеже XVII—XVIII вв. как прямая переделка переведенного с польского «Приклада о преступлении душевнем и о ранах, уязвляющих души человеческия», иначе называемого «О черно книжнике и рыцаревой жене» (Римские деяния, вып. I. СПб., 1878, с. 107—113). Русский автор полностью переработал текст, не только освободившись от полонизмов, но и придав иное словесное оформление диалогам, а также по-новому изобразив магические действия мудреца и оттенки реакций героя на увиденное в зеркале. Кроме того, автор преобразил социальный облик героя, заменив безымянного благочестивого рыцаря — паломника в Святую землю — купцом с православным именем Григорий, а также ввел более традиционную для древнерусской литературы характеристику жены, которая изменяет мужу «по действию диаволю», под влиянием «волхвования», а не из-за склонности к «чужеложству», как говорилось в западном источнике.

Переработка привела к созданию оригинальной русской повести на международный сюжет с заранее заданными элементами повествования. Едва ли не впервые в древнерусской литературе тема колдовства и доброй магии освобождена от чисто церковных оценок и подчиняет себе все остальные стороны произведения.

Текст «Повести» был опубликован по рукописи: *РГБ*, собр. Большакова, № 314, л. 612—618, первой четверти XVIII в., с разночтениями по другим спискам: Скрипиль М. О. Не-

известные и малоизвестные русские повести XVII в. // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 328—332. Переиздается по той же рукописи с исправлениями текста по списку: *ГИМ*, собр. Забелина, № 502, XVIII в.

ЖИТИЕ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ

«Житие Юлиании Лазаревской» — необычное житие. Созданное в первой половине XVII в., оно отразило особенности «переходного века» в истории русской литературы: в нем соединены черты традиционного жития и бытовой биографической повести. Это обстоятельство стало причиной переименования памятника: в 1940-е гг. он получил второе название — «Повесть об Ульянии Осорьиной», закрепившееся за ним в литературоведении.

Героиня жития праведная мирянка Юлиания Лазаревская — это реальное историческое лицо, муромская помещица Ульяния Устиновна Осорьина (в девичестве Недюрева), жившая в XVI в. С XVII в. она стала почитаться как местночтимая святая города Муром, получив имя Юлиании Лазаревской по месту погребения в селе Лазарево Муромского уезда.

Автором жизнеописания Ульянии стал ее сын Дружина (по крестному имени Каллистрат) Осорьин, известный по актовым материалам как губной староста Муром в 1610—1640 гг. Его имя читается в заглавии Пространной редакции памятника: «Житие и преставление святых и преподобных и праведных матере нашае Иулиании Лазаревския. Списано многогрешнымъ Калистратомъ, по реклу Дружино Осорьинымъ, сыномъ ея, что въ Муромскихъ пределехъ. Благослови, отче» (*РНБ*, собр. *ОЛДП*, Q. 688, л. 144). Обращение сына к описанию «добродетельных трудов и подвигов» своей матери — исключительное явление в истории древнерусской литературы. Этим, по-видимому, во многом определяется художественное своеобразие памятника.

Житие «Юлиании Лазаревской» было создано в 20—30-е гг. XVII в. Как следует из текста заключительного фрагмента, оно было написано не ранее 1614 (по некоторым спискам — 1615) г., после погребения сына Ульянии Георгия.

Композиционно памятник выстроен по традиционной житийной канве, в нем присутствуют все элементы агиографической схемы — от рождения героини от благочестивых родителей до честного преставления и исцелений у гроба святой. Однако традиционная форма оказалась наполненной новым содержанием. Ореолом святости наделена обычная женщина-мирянка. Главные добродетели Ульянии, которые постоянно подчеркивает автор, расценивая их как подвиги благочестия, — это трудолюбие и сострадание страждущим. Суть подвижничества Ульянии заключается в той «любви нелицемерной», которую она проповедовала и «делом исполняла» всю жизнь. Восхищаясь «смиренной красотой» подвига Юлиании Лазаревской, Г. П. Федотов писал: «Хотя Юлиания Лазаревская прошла через суровую аскезу и мечтала о монашестве, но не внешние причины помешали ей принять его. Она осталась верной своему личному христианскому призванию служения миру и деятельной христианской любви».

Искреннее сыновнее чувство и реальные жизненные впечатления помогли Дружине Осорьину создать живой и притягательный, психологически достоверный женский образ, «идеальный женский характер Древней Руси», по определению Ф. И. Буслаева. Наблюдательность и личный характер воспоминаний автора обогатили жизнеописание Ульянии элементами психологизма и художественными деталями. Традиционное по форме и предназначению (жизнеописание святой подвижницы), «Житие Юлиании Лазаревской» стало одной из первых «биографий частного лица». Обращение к новому герою, частному лицу, — характерная черта литературного развития XVII в., важнейшим достижением которого явилось, по определению Д. С. Лихачева, «открытие характера». Поэтичность жизнеописания Юлиании Лазаревской, русской женщины, причисленной к лику святых за праведные труды и милосердие, а также жанровое и художественное своеобразие произведения Дружины Осорьина определили особое место этого памятника в истории литературы Древней Руси.

О популярности «Жития Юлиании Лазаревской» в читательских кругах свидетельствует широкое распространение его в рукописях: в настоящее время известно 58 списков произведения XVII—XIX вв., а также особый текст «Обретение мощей преподобной Ульянии» и одна выписка из жития в сборнике полемического характера. Существует 3 редакции «Жития Юлиании Лазаревской»: Краткая, Пространная (представлена двумя вариантами) и Сводная. Краткая редакция, являющаяся первоначальной, сопровождается описанием посмертных чудес и исцелений у гроба Ульянии. Пространная редакция снабжена риторическим вступлением (или послесловием — во 2-м варианте) и распространена в основном цитатами из Священного Писания и святоотеческих сочинений. В ней особенно акцентирована идея возможности «спасения в миру» — в семье и деятельной любви. Сводная редакция имеет в основе текст Краткой, но расширена переработанными вставками из Пространной редакции и особым вступлением, не встречающимся в других списках памятника.

В настоящем издании публикуется Краткая редакция жития по основному списку середины XVII в. — РНБ, Q. I. № 355, л. 59—75. Исправления внесены по рукописи: РНБ, O. I. № 25.

Стр. 108. *Во дни... великого князя Иоанна Васильевича...* — В годы правления Ивана IV, Грозного (1533—1584).

...Иустинъ, пореклом Недюревъ... — Иустин Васильевич Недюрев, отец Ульянии Осорьиной, в 1542 г. был ключником (т. е. служащим Дворцового или других приказов) во Владимире. В актовых материалах XVI в. упоминаются также имена и других названных в Житии родственников Ульянии — представителей дворянских родов Недюревых, Осорьиных, Лукиных, Дубенских, Араповых, многие из которых занимали довольно прочное положение в среде приказных людей и служилых дворян: были стряпчими, столниками, дьяками, писцами, приказчиками (см.: Лихачев Н. П. Грамоты рода Осорьиных. Известия русского генеалогического общества. Вып. I. СПб., 1900; Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьиной. (Комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 257—264).

...Лукина... — Исправлено по другим спискам, в рукописи ошибочно «Церлукина».

...«и не угасаше свѣща ея вся нощи». — Ср.: Притч. 31, 18.

Стр. 109. *...но яко два поприща.* — Поприще — наименование некоторых древнерусских путевых мер; здесь употребляется в значении «верста» (приблизительно 1.067 км).

...попа, именем Потопия... — Священник Потопий позднее (в 1571 г.) был поставлен архимандритом Муромского Спасо-Преображенского монастыря с монашеским именем Пимен.

...в селѣ мужа ея. — В селе Лазарево Муромского уезда, родовом имени Осорьиных.

Еще бо свекру и свекрови ея в животѣ сущимъ... — В Пространной редакции Жития названы их имена: Василий и Евдокия Осорьины.

...мужу ея на царьскихъ службахъ бывающу... во Асторохани... — Муж Ульянии, служилый дворянин Юрий (Георгий) Осорьин, упоминается в Муромской десятне 1578 (7086) г.: «Юрий Васильевъ сынъ Осоринъ — самъ за собою и окладчики за нимъ сказали въ Новѣ городѣ в Нижнемѣ помѣстья четьреста четьи...».

...по вся нощи без сна пребывающи... нищимъ цѣну даяше... — Здесь и далее при описании добродетелей Ульянии использованы образы библейской похвалы «доброй жене» из Притчей Соломоновых (см.: Притч. 31, 10—31).

...и никого простымъ именемъ назваше... — Т. е. не называла своих слуг неполными именами (Ванька, Юшка и т. п.).

...кротостию наказуя... — Ср.: 2 Тим. 2, 25.

И явися ей святой Никола, держа книгу велику... — Николай Мирликийский (Чудотворец, Угодник, Святитель) — архиепископ Мир Ликийских, один из наиболее почитаемых на Руси святых; в иконографии традиционно изображается держащим книгу (Евангелие) в левой руке.

...яко дым бо исчезоша. — Традиционная агиографическая формула, используемая при описании изгнания бесов; восходит к 67-му псалму: «Яко исчезает дым, да исчезнут» (Пс. 67, 3).

Стр. 110. *Сорокоуст* — плата за сорокадневное церковное поминовение и службы по умершему; атрибуты поминального обряда: свечи, ладан, вино.

Литургия (литоргия) — главное христианское богослужение.

...во всю 40-цу... — В течение сорокадневного поминания умершего.

...и роди сыны и дщери. — Из 13 детей Ульянии шестеро умерли во младенчестве, два сына погибли, и только пятеро детей пережили мать: дочь инока-схимница Феодосия и четверо сыновей — Дружина (Каллистрат), Юрий (Георгий), Иван и Дмитрий.

Стр. 111. *...и Духъ Святыи на ней почитеть.* — Ср.: 1 Петр 4, 14.

...молебная совершивъ... — Молебен (молебная) — богослужение, носящее благодарственный или просительный характер.

Стр. 112. *Иисусова молитва* — одна из основных молитв, обращаемая к Иисусу Христу с просьбой о помиловании.

Аще ядъще и пияше или что дбляя... — Ср.: 1 Кор. 10, 31.

...бысть гладъ крѣпокъ... — Лк. 15, 14.

В то же время бысть гладъ крѣпокъ во всей Русстѣи земли... — В годы правления Бориса Годунова (1598—1605) Россия пережила страшный трехлетний голод (1601—1603). Холодное лето, проливные дожди и ранние морозы 1601 г. привели к недороду в 1602 и 1603 гг. Стали массовыми смерти от голода. Население питалось корой деревьев и травой, мясом кошек и собак; по свидетельствам очевидцев, были даже случаи людоедства (см.: Сказание Авраамия Палицына. — Наст. изд., т. 14, с. 238—356; Маржарет Жак. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 262—263 и др.).

В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы нижеградѣцкия... — В Пространной редакции Жития сообщается, что последние годы жизни Ульянии провела в селе Бочнево Нижегородского уезда — поместье своего мужа (в большинстве списков читается искаженное наименование «Вочнево»).

...помяна святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва... — Св. Корнилий — по библейскому преданию, сотник Итальянского полка в Кесарии Палестинской во времена апостольские; один из первых язычников, обращенных в христианство. Его молитва в дому была услышана и принята Богом (Деян. 10, 30—31).

Стр. 112—113. *И повелѣ оставшим работѣ собирать лебеду... и в томъ хлѣбъ сотвори...* и *молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ.* — Эпизод о сладком хлебе в «Житии Юлиании Лазаревской» содержит сюжетную, а иногда и текстовую переключку с рассказом о Прохоре-лебеднике из Киево-Печерского Патерика (см. Слово 31-е «О Прохоре-черноризцѣ, иже молитвою въ былии, глаголемѣи лобода, творяше хлѣбы и въ пепелу соль». Наст. изд., т. 4, с. 426—434), что позволяет, по-видимому, считать его одним из литературных источников, использованных Дружиной Осорьиным при создании Жития Юлиании.

Стр. 113. *...не согрѣши ни во устах своихъ, и не дастъ безумия Богу.* — Ср.: Иов 1, 22.

Желаниемъ возжела... — Лк. 22, 15.

В руцѣ твои, Господи, предаю духъ мой. — Ср.: Лк. 23, 46; Пс. 30, 6.

Стр. 114. *Миро* — благовонный маслянистый состав, употребляемый при совершении таинства миропомазания.

Мы же сего не смѣхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство. — Сведений об официальном освидетельствовании чудес и канонизации Юлиании Лазаревской нет. Известно, однако, что уже со второй половины XVII в. она почиталась святой в селе Лазарево и за его пределами.

Стр. 116. *Града Мурома с пасаду Матфея Черкасова...* — Черкасовы — один из самых известных купеческих родов Муром. В муромской писцовой книге 1636 г. (опись Бартенева) двор Черкасовых назван вторым в списке «самых лутчих людей» города.

Московский дворянинъ Иосифъ Ковковъ... — Имеется в виду Иосиф Севастьянов сын Кровков (в рукописи фамилия искажена), представитель известного муромского рода Кровковых (или Кравковых), ктиторов и вкладчиков муромского Спасского монастыря. В 30-х гг. XVII в.

Иосиф Кровков жил в Москве, что зафиксировано в «Росписном списке города Москвы 1638 года» (М., 1911. С. 144), и, вероятно, поэтому назван в тексте чудес московским дворянином.

Стр. 117. *...ко многимъ прощамъ... приходила молитися.* — Т. е. к местам (обычно храмам), где совершались чудесные исцеления от недугов. Иногда слово «проща» входило в название церквей: церковь Параскевы-великомученицы Христовой Пятницы Проща, церковь Николая Чудотворца Старая Проща и др.

ПОВЕСТЬ О МАРФЕ И МАРИИ

Повесть написана в первой половине XVII в. в Муроме. В ней использован широко распространенный мотив средневековой литературы — перенесение или создание какой-либо святыни с Божественной помощью. Однако появление чудесного креста в соборе Архангела Михаила в Унженском погосте оказалось тесно связанным с сюжетом, посвященным судьбе двух сестер, происходящих родом из города Мурома. И непроизвольно на первый план повествования здесь выступили человеческие взаимоотношения, обусловленные бытом и нравами той эпохи. Благодаря вниманию автора к характеру поведения отдельных лиц в соответствующих обстоятельствах «Повесть о Марфе и Марии» — рассказ не о чуде, а скорее о психологии человеческих взаимоотношений.

Повесть известна в нескольких редакциях. См. об этом: Демкова Н. С. Повесть о Марфе и Марии (Сказание об Унженском кресте) и ее переделки в XVII веке // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1977. С. 103—121.

Текст издается по списку XVII в.: РНБ, собр. Погодина, № 1582, л. 55—66 об., опубликованному без предисловия и послесловия в книге «Русская повесть XVII века». Л., 1954. С. 48—53; исправления внесены по списку XVII в.: ГИМ, Синод. собр., № 850, опубликованному Н. С. Демковой в сб.: Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 201—208.

Стр. 118. *Списано по благословению Моисья, архиепископа Рязанского и Муромского.* — Моисей был архиепископом Рязани и Мурома в 1638—1651 гг.

Стр. 119. *«Просите и примите, толцыте и отверзется вамъ».* — Цитата из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Мф. 7, 7; Лк. 11, 9); следует отметить, что здесь первая часть цитаты приведена в измененном виде, по Евангелию от Иоанна (Ин. 16, 24); у Матфея и Луки: «Просите и дастся вамъ».

...всякъ бо... «просяи примет и ищай — обретает»... — Мф. 7, 8; Лк. 11, 10.

«Не можете без мене творити ничесоже». — Ин. 15, 5 (в цитате изменен порядок слов).

...якоже нѣкогда немому повелѣ глаголати и глухому слышати. — Имеется в виду евангельский сюжет об исцелении Иисусом глухого косноязычного (гугнивого) человека (Мр. 7, 32—37).

Стр. 120. *...бысть между има прѣ о сѣдени мѣста...* — В России до 1682 г. существовал узаконенный обычай считаться «местами» (занимать определенное место) за столом и на служебной лестнице в зависимости от родословной и служебного положения. Местнические споры носили подчас весьма острый и трагический характер. Повесть о Марфе и Марии свидетельствует, что споры о местах существовали и в повседневном быту.

«Иже хотяи в вас болии быти... последний»... — Мк. 9, 35.

«Иже высоко в человецех... Богом». — Лк. 16, 15.

Стр. 123. *...поставиши той святыи и животворящий крестъ... на реке Унжѣ...* — Погост Животворящего креста и архангела Михаила известен по писцовым книгам 1629—1630 гг. Еще в конце XIX в. в церкви Архангела Михаила Унженского погоста сохранялся золотой крест, вложенный в серебряный ковчег. На ковчеге имелась надпись, что он сделан по повелению царя Михаила

Федоровича и его матери иноки Марфы в 1615 г. Следует обратить внимание на то, что и в самой повести сообщается о внимании московских царей к этой святыне.

Стр. 124. *...аки гривною... украшается.* — Гривна — украшение (или знак отличия), которое носилось на шее.

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСАХ ВИЛЕНСКОГО КРЕСТА

«Повесть о чудесах Виленского креста» — местное муромское сказание, повествующее о святыне Троицкого девичья монастыря, — чудотворном напрестольном кресте, принесенном в Муром из литовского города Вильны. Созданием Повести о Виленском кресте завершилось формирование муромского литературного цикла, объединившего жития муромских святых и сказания о местных святынях. Помимо Повести о Виленском кресте в него вошли созданные в XVI—XVII вв. «Житие князя Константина Муромского и чад его Михаила и Феодора», «Житие Петра и Февронии Муромских» (Повесть о Петре и Февронии), «Житие Юлиании Лазаревской» (Повесть об Ульянии Осорьбиной), а также «Сказание об Унженском кресте» (Повесть о Марфе и Марии). Таким образом сложился рукописный сборник устойчивого состава, так называемый «муромский сборник», получивший в дальнейшем широкое распространение в рукописной традиции.

Герои «Повести о чудесах Виленского креста» — муромец, купец гостиной сотни Тарасий Борисов сын Цветнов, по прозвищу Богдан, и арзамасец, сын боярский Василий Сергеев сын Микулин — реальные исторические лица (см. об этом: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 323—326). Описываемое в Повести событие — передача чудотворного креста — точно датировано в тексте памятника: действие происходит в июле 1658 г., «въ субботный день». Однако, несмотря на такую конкретность дат и описаний, вопрос о времени создания памятника достаточно сложен. Исследовательница Повести Т. А. Брун первоначально датировала ее последней третью XVII в., однако позднее перенесла датировку памятника в первую половину XVIII в. на основании анализа перечня частиц от мощей, содержавшихся в Виленском кресте, который включают все списки Повести (см.: Брун Т. А. О датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVII—начало XVIII в. М., 1989. С. 206—216). Точность же описаний Повести и сохранившиеся в ней следы устного рассказа объясняются, по мнению исследовательницы, тем, что письменным источником Повести о Виленском кресте, вполне вероятно, могла послужить челобитная ее героя сына боярского Василия Микулина о его «полном терпении».

Однако отсутствие полного текстологического анализа всех сохранившихся списков памятника (а они содержат различные варианты текста) не позволяет считать вопрос о времени создания «Повести о чудесах Виленского креста» окончательно решенным. С учетом некоторых новых материалов (см.: Руди Т. Р. Еще раз о датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 52. С. 232—242) наиболее вероятной нам представляется датировка памятника концом XVII в.

Все сохранившиеся списки Повести (18) поздние: они датируются 2-й—4-й четвертями XVIII в. и известны только в составе «муромских сборников». В настоящем издании текст «Повести о чудесах Виленского креста» публикуется по списку последней четверти XVIII в. — *ИРЛИ*, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Ф. А. Каликина, № 39, л. 12—15 об.

Стр. 125. *...иже изволилъ быти в Троицкомъ дѣвичье монастырь.* — Муромский Троицкий женский монастырь был основан муромцем Богданом Цветновым в 1642—1643 гг.; строительство монастыря продолжалось до 1648 г.

...гостиной сотни торговой человекъ Богдан Борисов сынъ Цветновъ... — Купец гостиной сотни Богдан (Тарасий) Цветнов (Цветной) — представитель одной из самых богатых купеческих фамилий Мурома, его имя читается первым в списке «самых лутчих людей» города в двух му-

ромских Писцовых книгах — 1625 и 1636 гг.; поставил на свои средства несколько храмов, в том числе церковь Живоначальной Троицы, при которой его тщанием был открыт женский монастырь, куда среди других богатых вкладов — икон, церковных сосудов и книг — и был вложен Виленский крест.

...с каменiemъ и жемчугом украшенъ... — Сейчас на кресте камней и жемчуга нет, он вложен в складень-кузов с изображением двенадцатых праздников, в чеканном окладе (см.: Сухова О. А. Древности Муромского Троицкого монастыря // Уваровские чтения-II. Муром, 21—23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 141). Издавая в 1899 г. текст Повести во Владимирских губернских ведомостях, Н. П. Травчетов также сопроводил указанную фразу комментарием: «В настоящее время таковых украшений на кресте не имеется». (Владимирские губернские ведомости. 1899. № 34. Часть неофиц. С. 5). По-видимому, можно предположить, что за время своего существования Виленский крест претерпел некоторые внешние изменения.

...Я де града Арзамаса... зовут Василиемъ, Сегбевъ сынъ Микулинъ. — Имена многих представителей рода Микулиных встречаются в изданных С. Б. Веселовским Арзамасских поместных актах 1578—1618 гг., однако имени героя Повести Василия Микулина в исторических источниках пока не обнаружено (Т. А. Брун).

В прошломъ, де, во 165-м (1657) году, какъ великому государю Богъ поручилъ взять литовский град Вилну... — Хронологическая неточность: Вильна была взята русскими войсками 29 июля 1655 г.

Стр. 126. *...поставилъ в девичье монастырь в церкви Живоначалныя Троицы... едѣ и донине благодатию Божию обретається.* — Виленский крест вместе с другой церковной утварью был изъят из Троицкого монастыря в феврале 1930 г. и хранился до последнего времени в Муромском историко-художественном музее. В мае 1996 г. крест был торжественно возвращен в Троицкий собор монастыря.

...под Конотопомъ на бою... — Сражение под Конотопом состоялось 28 июня 1659 г.

Стр. 127. *Ушолъ, де, гауръ маскаран Василей.* — Бранная фраза, слышанная Василием от преследователей-татар, воспроизводится в Повести в сочетании русских и татарских слов. «Гяур» у мусульман — наименование иноверца; слово «маскаран», по мнению Т. А. Брун, может быть объяснено с помощью близких языку степных татар гагаузского и караимского (кыпчакско-огузская подгруппа кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков) языков, в которых слово «маскара» (или «маскъара») имеет, среди прочих, значения «грубиян», «безобразник», «бесстыдник» и т. п. (см.: Брун Т. А. Возможный источник «Повести о чудесах Виленского креста» // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький. 31 мая—5 июня 1987 г. Горький, 1989. С. 91).

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

«Повесть о Тверском Отроче монастыре» написана в Твери, скорее всего в самом Отроче монастыре, во второй половине XVII в. Хотя легенда, которая легла в ее основание, была известна несколько раньше: она нашла свое отражение в памятнике первой половины XVII в. — Пискаревском летописце (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. Подробно об этом см.: Демкова Н. С. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» и «Сказание о Отроче монастыре, еже есть во Твери»: оправдание любви // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 147—163). Однако в отличие от Повести действующими лицами легенды являются великий тверской князь Михаил (имеется в виду Михаил Ярославич Тверской, сын героя Повести Ярослава Ярославича) и его вымышленные супруги (первая жена княгиня Марфа, которую он постригает в монастыре, и вторая — безымянная красавица, отнятая князем у своего отрока). Все это позволяет датировать Повесть: совершенно очевидно, что изменение действующих лиц произошло после того, как в середине XVII в. установился культ настоящей жены Михаила Ярославича великой княгини

Анны Кашинской (принадлежность открытых в 1649 г. мощей была установлена, как мы предполагаем, в 1652 г., что и было зафиксировано в ее житии; см. об этом: Семячко С. А. Круг агнографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агнографический цикл // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 221—231). Но в Повести не только иные действующие лица, изменился сам характер текста. С одной стороны, Повесть, по сравнению с легендой, более «исторична» (если вообще это понятие применимо по отношению к вымыслу). Князь и княгиня носят имена реальных исторических персонажей, не совпадает с действительным лишь отчество героини, и это следует отметить, так как, изменяя имена действующих лиц легенды, автор Повести, скорее всего, обращался к какой-то летописи, а в летописях отчество княгини Ксении встречается очень редко. Повесть насыщена историческими и географическими реалиями, с помощью которых, как это показала Р. П. Дмитриева, автор в условиях XVII в. пытается воссоздать картину жизни второй половины XIII в. (см.: Дмитриева Р. П. Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 210—213). Кроме того, при создании Повести автор пользовался и документальными материалами. Сообщая о «граммате великих князей тверскихъ», он имел в виду две грамоты (одну 1361—1365 гг., другую — 1437—1461 гг.), хранившиеся тогда в Отроче монастыре и впоследствии опубликованные в «Актах, собранных... Археографическою экспедициею...» (СПб., 1836. Т. 1. С. 2—3, 26—27). Это «Жалованная грамота кашинского великого князя Василия Михайловича и удельных тверских князей: Всеволода, Михаила, Владимира и Андрея Александровичей, Иеремия и Симеона Константиновичей и Михаила Васильевича, об освобождении людей Тверского Отроча монастыря от пошлин, даней и проч.» и «Жалованная грамота тверского князя Бориса Александровича и удельных тверских князей: Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Димитриевича и Федора Александровича, об освобождении людей Отроча монастыря от княжеских даней и пошлин, о подсудимости их монастырскому тиуну и проч.». Но под пером автора реальные документы превращаются в фольклорно переосмысленную грамоту «за девятью печатми». Поскольку перед автором стояла задача прославления монастыря, все князья были названы великими, хотя лишь четверо из них носили (в разное время) титул великого князя Тверского, остальные же владели различными удельными княжествами (Кашинским, Дорогобужским, Зубцовским, Телятевским) или вовсе не имели собственных уделов. Несмотря на такое широкое использование исторического материала, сама Повесть не является достоверным историческим источником. Перед нами не столько историческое сочинение, содержащее значительную долю вымысла, сколько своеобразный опыт исторического романа (см.: Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 90).

Другое весьма существенное отличие Повести от легенды заключается в характере разработки сюжета. Повесть была задумана как произведение о монастыре, объясняющее его название и рассказывающее о его легендарном основании и славной истории. Она строится в соответствии с канонами повестей об основании монастырей: решение основать монастырь, поиски места для монастыря, ряд знамений, указывающих на это место, расчистка места, строительство монастыря и сообщение о его процветании. Из ряда традиционных повестей об основании монастырей «Повесть о Тверском Отроче монастыре» выделяет романтическая история, предшествующая собственно рассказу о создании монастыря и объясняющая решение главного героя удалиться от людей и основать монастырь. Эту историю автор Повести и почерпнул из легенды. Но сюжет легенды не был механически перенесен в Повесть, а подвергся серьезному художественному переосмыслению, и переосмысление это происходило под воздействием свадебного обряда. Сюжетная коллизия легенды как бы была наложена на самый драматичный эпизод свадебного обряда — «сымание свадебного отрока», когда дружка жениха или сам жених, которого на протяжении всего обряда величают князем, прогоняет юношу, выполнявшего в первой части обряда роль ложного жениха (см. об этом подробнее: Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре. С. 41—61). Не случайно кульминационной становится сцена появления князя в доме Ксении, в то время как в легенде о всей свадьбе сообщается одной фразой: «И едва князь сотвориша волю их, и как прииде время браку, в той часъ приеха внезапно князь великий и поя себъ ю въ жены...». И состав персонажей Повести (князь, княгиня, отрок, бояре), и их поведение во многом определяются не легендой, а свадебным обрядом.

Но автора Повести привлекают не столько поступки людей, сколько их чувства и переживания. Внимание к человеку, к его чувствам делает Повесть необычайно поэтической, и эта поэтичность усиливается использованием образов и художественных средств свадебной лирической поэзии. Эта поэтичность Повести, яркий нетрадиционный характер главного героя, отрока Григория, острота конфликта и перенесение этого конфликта, по словам Д. С. Лихачева, «в самую суть человеческой природы» (интересно, что одним из главных двигателей сюжета является любовь, причем любовь до брака, что нельзя назвать традиционным для древнерусской литературы) — все это приближает «Повесть о Тверском Отроче монастыре» к произведениям литературы Нового времени, и не случайно она неоднократно привлекала к себе внимание авторов XVIII—XX вв., создававших на основе ее сюжета повести, поэмы, драмы; среди тех, кто обращался к сюжету «Повести о Тверском Отроче монастыре», — В. Т. Нарезный, Ф. Н. Глинка, С. Н. Глинка, В. С. Глинка, В. К. Кюхельбекер, Н. Третьяков, Н. Полевой, Т. Северцов (Полилов) и др.

Художественное своеобразие «Повести о Тверском Отроче монастыре» во многом обусловлено тем, что она возникла на стыке различных, порой прямо противоположных, традиций: книжной традиции повестей об основании монастырей, тесно связанной с агиографическим жанром, и традиции фольклорной, представленной, с одной стороны, устной легендой, с другой — свадебным обрядом.

Отличия между двумя редакциями текста повести (Краткой и Распространенной) и между двумя видами Распространенной редакции (А и Б) не слишком значительны. Текст печатается по списку вида Б Распространенной редакции, отличающейся большей художественной цельностью: БАН, собр. Лукьянова, № 12 середины XVIII в.

Стр. 128. *...составленъ бысть Отрочъ монастырь...* — Летописных данных о времени основания Отрочь-Успенского монастыря нет.

...великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго... — Ярослав Ярославич (1230?—1271) — сын Ярослава Всеволодовича, внук Всеволода Большое Гнездо, брат Александра Невского, великий князь Тверской (с 1247 г.), основатель династии тверских князей, великий князь Владимирский (с 1263 г.).

...великия княгини... Ксении... — Ксенией звали вторую жену Ярослава Ярославича (ум. в 1312 г.), дочь новгородского боярина Юрия Михайловича.

...по совокуплении ихъ законнаго брака в четвертое лѣто... — Летописи называют разные даты второй женитьбы Ярослава Ярославича: 1263, 1264 и 1266 гг.

...в селѣ, нарицаемомъ Единоново... — Единоново — село на левом берегу Волги, приблизительно в сорока верстах от Твери.

Стр. 129. *...насадѣ...* — Тип судна. На полях рукописи помета: «сирѣчь полубарокъ».

Стр. 132. *...в пустыню.* — Здесь: пустынное, уединенное место.

...срѣтоша ея на брезѣ у церкви архаггела Михаила. — Вероятно, имеется в виду известный с начала XV в. и упраздненный к концу XVII в. Михаило-Архангельский монастырь, находившийся на берегу Волги.

Стр. 133. *...от града Тфери пять на десять поприщѣ, на мѣсто боровое...* — На полях рукописи помета: «нынѣ стоитъ именуемое село Бор». Вероятно, имелось в виду село Пречистый Бор в 15 верстах от Твери.

Стр. 134. *...в верхняя палаты...* — По мнению Н. Н. Воронина, княжеский дворец в Твери был двухэтажным.

...со святителемъ Петромъ митрополитомъ Московским... — Петр, митрополит «всехъ Руси», родился во второй половине XIII в., хиротонисан в 1308 г., умер 20 декабря 1326 г., канонизирован в 1339 г.

Стр. 135. *...назвася мѣсто от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочъ монастырь...* — По мнению В. Ф. Ржиги, наиболее вероятная этимология слова «отрочъ» — «мужской» (в противоположность «девичью» — «женскому»).

ПОВЕСТЬ О ЗАЧАЛЕ МОСКВЫ

Среди литературных памятников середины—второй половины XVII в. существуют четыре произведения, посвященные основанию Москвы. Это «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии», «Предание об основании Москвы Олегом», а также «Повесть о зачале Москвы». При сложении этой повести была использована сформулированная в первой половине XVI в. старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем (в его посланиях дьяку Мисюрю Мунехину и Василию III — см. наст. изд., т. 9, с. 290—305) идея «Москва — третий Рим». Она утверждала, что Россия, после падения первого Рима и второго Рима — Константинополя из-за уклонения от «истинной веры», стала до скончания веков единственным центром христианства, а государь Василий III ответственен за судьбу всего христианского мира. Автор повести, обратившись к теории «Москва — третий Рим», использовал ее в своих целях: он приравнивал Москву к «первым Римам» по сходству обстановки, в какой города были основаны: на месте, где возникли Рим и Константинополь, пролилась кровь. На крови, как следует из текста повести, была основана и Москва. Источниками ему послужили поздний летописец, где находился рассказ об основании Москвы князем Юрием Долгоруким, легенда о боярине Кучке как первом владельце Москвы, летописное «Сказание об убиении Андрея Боголюбского», где упоминались имена Кучковичей, и, возможно, какие-то предания, сохранившие воспоминания об участии в убийстве князя своей жены. Кроме того, автор повести использовал два фрагмента из Хронографа редакции 1512 г.: из главы «Царство Левкия Таркиния» (рассказ об основании Капитолия (храма Юпитера) в Риме) и из главы, повествующей о византийском императоре Никифоре Фоке (обе главы представляют собой извлечение из переведенной с греческого на среднеболгарский язык в XIV в. Хроники Константина Манассии (см.: Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 135—136, 209). В своем повествовании автор убрал имевшие место в «Сказании об убиении Андрея Боголюбского» политические мотивы убийства, заменив их изображением семейной драмы, воспользовавшись для этого хронографическим рассказом об убийстве византийского императора Никифора Фоки при участии его жены Феофаны. Таким образом был создан вымышленный, занимательный рассказ, в котором основное внимание было уделено не столько боярину Кучке, на крови которого собственно и была основана Москва, сколько судьбе его потомков. Далее в повести говорится о расправе Михаила, брата Андрея, с заговорщиками и кратко, в форме погодных записей, излагаются основные этапы истории Москвы и великих князей Московских.

Повесть известна в 30 списках второй половины XVII—XVIII вв. Текст повести печатается по списку ГИМ, Синодальное собр., № 964, являющемуся старейшим списком, датированным 1674 г. и изданным в книге: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 173—175. Исправления внесены по списку: ГИМ, Синодальное собр., № 607, начало XVIII в.

Стр. 136. *Вся убо христианская... а четвертому не быти.* — Эта фраза почти дословно повторяет слова старца псковского Елеазарова монастыря Филофея (см. выше), обращенные к дьяку Мисюрю Мунехину (см. наст. изд., т. 9, с. 298).

...от Рома и Ромила. — Согласно преданию Рим был основан Ромулом, но легенда утверждает, что в самом начале строительства города принимал участие, правда вскоре погибший, и его брат Рем.

...здати и ров копающе... по пролитии кровей многихъ. — Весь отрывок заимствован из главы «Царство Левкия Таркиния» Хронографа 1512 г. Глава является извлечением из славянского перевода «Хроники Константина Манассии». Значение слова «ентинарии» становится понятным, если обратиться к греческому тексту «Хроники Константина Манассии». Слово «ентинарии» есть не что иное, как выражение, по-видимому неправильно понятое еще славянским переводчиком «Хроники» и в переводе означающее «В Тиррении» (в Этрурии) (см.: Салмина М. А. «Энтинарий» в «Повести о зачале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 362—363).

...князя *Владимира Всеволодича Монаха*... — Его княжение в Киеве падает на 1113—1125 г.

...князь *Юрий Владимирович Манамацъ*... — Князь Юрий Владимирович Долгорукий (ок. 1090—1157), сын Владимира Всеволодовича Мономаха. Князь ростово-суздальской земли с 1125 г. С 1155 г. — великий князь Киевский. Весь дальнейший рассказ о встрече Юрия по пути следования им в 1158 г. (дата явно вымышленная) во Владимир с боярином Кучкой, казни последнего из-за неуважительного его отношения к князю, основании Юрием града Москвы на месте сел убитого им боярина Кучки и т. п. является легендой. В летописях же Москва первый раз упоминается под 1147 г.: здесь состоялось свидание Юрия Долгорукого со Святославом Ольговичем.

...князь *Всеволод Юрьевич*... — См. ниже, примеч. к стр. 495.

...князь *Андрѣя Юрьевича Боголюбскаго посади в Володимирѣ*. — Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111—1174) — сын Юрия Долгорукого. Исторические сведения здесь искажены. Юрий Долгорукий, после того как в 1155 г. стал великим князем Киевским, посадил Андрея в Вишгороде. Но Андрей против воли отца ушел в Суздальскую землю и в 1157 г. был избран ростовцами и суздальцами на княжение. Он сделал столицей ростово-суздальской земли Владимир. С 1157 г. по 1174 г. он князь Владимирский. По-видимому, искажение исторических фактов: «посаждение» Юрием Долгоруким Андрея во Владимире, его пребывание здесь, участие в бракосочетании сына с дочерью Кучки понадобились автору для того, чтобы и второе «кровавое» событие (убийство Андрея Боголюбского во Владимире) также связать с именем основателя Москвы.

Стр. 136—137. ...*боярину нѣкоему, богату суцу, зовому Кучку Иванову*. — Имя боярина Кучки в летописях не встречается. В то же время «Кучковичей» летописи упоминают (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 467—468). Упоминаются Кучковичи и в летописном «Сказании об убиении Андрея Боголюбского» под 1175 г.: здесь называются убийцы князя «окаяннии» Кучковичи (Яким Кучкович и его зять Петр) (см.: ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Л., 1927. Т. I. Вып. 2. Стб. 368—369).

Стр. 137. ...*за Неглинною* — Река Неглинная — левый приток Москва-реки, впадающий в нее в пределе города. При впадении р. Неглинной в Москву-реку, считается, и была построена Москва.

...*по имени рѣки, текущая под нимѣ*. — Т. е. по имени реки Москвы.

...*со дщерию Кучковою*. — Существование дочери боярина Кучки, вышедшей замуж за Андрея Боголюбского и впоследствии участвовавшей в убийстве мужа, летописями не подтверждается. Но намеки на существование каких-то преданий, сохранивших воспоминания об участии жены князя Андрея в его убийстве имеются. Следы этих преданий Н. Н. Воронин обнаружил в миниатюре Радзивилловской летописи конца XV в., иллюстрирующей рассказ о смерти Андрея. Отрубленную руку князя на этой миниатюре летописи держит женская рука (см.: Вестник АН СССР. 1945. № 9. С. 112). Некоторые намеки имеются и в рассказе Тверской летописи об убийстве Андрея, где упоминается «болгарка», которая «дѣржаше к нему злую мысль» за походы на «Болгарскую землю» и жаловалась на него втайне Петру, «Кучкову зятю».

...*и с нимѣ отиде в Киевѣ и сынѣ его, князь великий Андрѣй Боголюбский*. — В 1158 г. Юрия Долгорукого уже не было в живых, а Андрей Боголюбский находился в ростово-суздальской земле. И летописи этот поход Андрея не подтверждают.

...*и принесе с собою ис Киива во Владимир икону Пресвятыя Богородицы... из Царяграда*... — Здесь речь идет о принесении князем Андреем во Владимир на Клязьме знаменитой византийской иконы Богоматери (по преданию, писанной евангелистом Лукой). Икона была установлена в Успенском соборе и получила имя «Владимирской».

...*и созда церковь каменну Успения Пресвятыя Богородицы*... — Успенский собор во Владимире был заложен Андреем Боголюбским в 1158 г. и отстроен в 1160 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. М., 1961. Т. I. XII столетие. С. 149).

...*и вда ей села лутчая и десятое во всемѣ*. — Речь здесь идет о «десятине». Древнерусская десятина — отчисление одной десятой доли от всех поступающих на княжеский двор доходов в пользу церкви (см.: Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 76—77). Далее в повести следует текст, где автор развертывает картину убийства князя Андрея.

В летописях эта картина представлена следующим образом: убийцы, приближенные князя, среди которых были Яким Кучкович и Петр, Кучков зять, сговорившись, в ночное время с оружием ворвались в ложницу князя. В первой стычке им удалось только ранить его. Окончательно убийцы расправились с ним уже «под сенями», куда укрылся раненый. Тут Петр Кучков отрубил ему левую руку. Приводилась и политическая причина убийства: Андрей собирался казнить брата Якима Кучковича (см. наст. изд. Т. 4, с. 210). Не то мы видим в повести. Автор ее не упоминает о политических причинах убийства, а создает занимательный рассказ о конфликте между мужем-аскетом и чувственной женой. Он обратился к рассказу Хронографа 1512 г. об убийстве императора Фоки с участием его жены Феофаны и перенес всю картину этого убийства в повесть. Весь отрывок повести со слов «яко орел ношашесь» по слова «якоже древле Авелева» (за исключением летописных данных, слов «церкви созида и нищих удволяя» и фразы, в которой упоминаются Кучковичи) является дословным заимствованием из главы «Царство Никифора Фоки» Хронографа 1512 г.

...*Давидъ медоточный...* — Имеются в виду псалмы, ветхозаветные религиозные хвалебные песни, которые, по преданию, были сложены древнееврейским царем Давидом.

...*бысть птица и noctный вран без сна на нырищи.* — Ср.: Пс. 101, 7.

Стр. 138. ...*яко Сампсона Далида...* — Согласно преданию (см.: Суд., 16, 17—21) Далида, филистимлянка, возлюбленная Самсона, знаменитого библейского героя, выведав тайну его необыкновенной силы, заключавшейся в семи прядях волос, остригла Самсона во время сна и предала его в руки врагов.

...*Тиндариды... храброго ироя.* — Здесь имеется в виду Клитемнестра, дочь спартанского царя Тиндарея и Леды, убившая своего мужа царя Микен — Агамемнона.

В лѣто 6683-го (1175) июня в 29 день... — Андрей Боголюбский был убит в ночь с 28 на 29 июня 1174 г. в своем пригородном замке Боголюбово (откуда и прозвище «Боголюбский»).

...*Авелева.* — Авель (Быт. 4, 2—8) — второй сын Адама и Евы, убитый своим старшим братом Каином из зависти за то, что жертва Авеля была принята Богом более благосклонно.

Еще же и ино зло... предаша водамъ. — Возможно, не соответствующее историческим сведениям известие повести, будто тело убитого князя «предаша водамъ», опирается на описание казни убийц, тела которых бросили в озеро.

...*Михайло Юрьевичъ...* — Михаил Юрьевич, сын Юрия Долгорукого и брат Андрея Боголюбского, умер в 1176 г., пробив, как сообщают летописи, князем Владимирским всего один год. О мести его за убийство брата летописи не сообщают. Изображение расправы с княгиней-убийцей, по-видимому, авторский вымысел.

...*Всеволод Юрьевичъ... и позлати я...* — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), сын Юрия Долгорукого и брат Андрея Боголюбского, с 1177 г. (или с 1176 г.) князь Владимирский. Построенная в 1158—1160 гг. Андреем Юрьевичем Боголюбским во Владимире церковь Успения Пречистой Богородицы «об едином версе» была в 1185 г. повреждена пожаром, и Всеволод Юрьевич приступил к ее восстановлению. В 1189 г. происходит «великое священие собора». Летопись сообщает: «Всеволод же четыре верхи назда и позлати» (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. С. 149, 354).

...*а на своемъ дворѣ... и верхъ ея позлати.* — Речь идет о постройке Всеволодом во Владимире Дмитриевского собора, который предположительно был заложен в 1194 г. (см. там же, с. 398). «Гробная доска» святого Дмитрия Солунского была положена в соборе в 1197 г.

...*великий князь Юрий Всеволодичъ...* — Князь Юрий (или Георгий) Всеволодович (1189 или 1187—1238 гг.), сын Всеволода Большое Гнездо. Его владимирское княжение падает на 1218—1238 гг.

Батый — сын Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана. Умер в 1255 г. Основатель Золотой Орды, завоеватель Восточной Европы в конце 30—40 гг. XIII в. Монголо-татары во главе с Батыем завоевали и Русь (литературные памятники, посвященные монголо-татарскому нашествию на Русь, см. в наст. изд., т. 5).

...*Владимира Юрьевича...* — Владимир Юрьевич — сын великого князя Юрия Всеволодовича.

...*воеводу Филиппа Няню...* — Филипп Нянюк — воевода, защитник Москвы от войска Батые. Его существование подтверждается летописями.

...на Ситѣ. — Река Сить — правый приток реки Мологи, впадающей в Волгу (Ярославская обл.).

...Всеволодъ, Мстислав, Владимир. — летописи подтверждают существование таких сыновей у великого князя Юрия Всеволодовича.

...Ярослав Всеволодичъ. — Князь Ярослав Всеволодович (1191—1246), сын Всеволода Большое Гнездо, занимал великокняжеский стол с 1238 по 1246 г.

...князя Александра... — Александр Ярославич Невский (1220—1263), сын Ярослава Всеволодовича. С 1236 г. — князь Новгородский, с 1252 по 1263 г. великий князь Владимирский.

Стр. 138—139. ...Новградъ Нижней созда и монастырь Пресвятыя Богородицы Печерския. — Георгий (или Юрий) Всеволодович основал в 1221 г. Нижний Новгород. Под 1229 г. в летописях упоминается монастырь Святой Богородицы под Нижним Новгородом («вне града»). Это, видимо, и есть Печерский монастырь. В нем находилась икона Печерской Божьей матери.

Стр. 139. ...преставися... Ярославъ Всеволодичъ во Ордѣ нужною смертию. — По общению летописных источников, Ярослав Всеволодович, будучи в Орде у великого хана, был там оклеветан, а затем отравлен. Умер он в 1246 г., а не в 1238 г. (6746), как указано в повести.

...преставися... во иноцѣх и в схимѣ. — Александр Ярославич перед смертью принял монашество. Существование у Александра Невского сыновей с такими именами подтверждается летописями.

...князь Данило Московский. — Князь Даниил Александрович (1261—1303), сын Александра Невского, считался родоначальником великих московских князей. Москву в удел он получил не позднее 1283 г. Даниилу удалось расширить территорию своего княжества. Так, он присоединил к своим владениям Коломну и Переславль, тем самым увеличив население в своих владениях.

...Юрий, Александръ, Борис, Иванъ, Афанасий. — Эти имена сыновей Даниила Александровича известны из летописей.

...во своемъ ему в Даниловскомъ монастырь. — Древнейший московский Данилов монастырь основан князем Даниилом Александровичем, вероятно, незадолго до своей смерти (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. М., 1962. Т. 2. XIII—XV столетия. С. 150—151).

Влѣто 813 (1305) прииде на Русь Петръ митрополитъ.. юже самъ созда. — Петр (ум. в 1326 г.) митрополит всея Руси. Как следует из повести, посвященной его житию (XIV в.), Петр был поставлен в митрополиты всея Руси патриархом Афанасием Царьградским в 1308 г. (по другим источникам в 1305 г.). Он был союзником московских князей в их борьбе за великое княжение. Московского князя Ивана Даниловича Калиту Петр уговорил построить в Москве собор Успения Богородицы, где собственными руками создал себе усыпальницу. Но собор был заложен не в 1323 г., как указано в повести, а в 1326 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 152). Сам Петр умер также на три года позже, чем это указано в повести. Это был первый московский епископ, в XIV в. церковь причислила его к лику святых и память его чествуется 21 декабря.

...князь Иванъ Даниловичъ, зовомый Калита. — Иван Данилович Калита (ум. в 1341 г.) с 1325 по 1328 г. владел только московским уделом, а с 1328 г. стал и великим князем Владимирским. Ко времени его правления относятся расширение территории Московского княжества и усиление значения Москвы.

...церковь каменна свягаго Иоанна писателя Лѣствицы. — Церковь Иоанна Лествичника была заложена в Москве 21 мая 1329 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 157). Иоанн Лествичник — преподобный, написавший руководство к иноческой жизни «Лестница райская» (VI—VII вв. н. э.).

...постави на Москвѣ церковь каменну Преображения Господне у своего двора. — В 1330 г. Иваном Калитой был заложен храм, получивший название Спаса на Бору (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 158).

...содѣла церковь каменну архистратига Михаила. — Это известие подтверждается летописными источниками (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 161).

...содѣла около Москвы новый древян град... — В 1337 г. старые стены московской крепости были разрушены пожаром, и в 1339 г. Иван Калита закладывает новую деревянную крепость (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 164—165).

...Иванъ Даниловичъ Владимерский и Московский и всеа России. — Такое титулование Ивана Калиты появилось много позже, в XVI в. (см.: ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 203).

...во Арханъггеле. — Имеется в виду Архангельский собор Московского Кремля, служивший родовой усыпальницей московских великих князей и царей.

...Симеонъ, Иванъ, Андрей. — Летописи подтверждают существование таких сыновей у Ивана Калиты.

СКАЗАНИЕ О ЗАЧАТИИ МОСКВЫ И КРУТИЦКОЙ ЕПИСКОПИИ

«Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» — одна из четырех повестей, посвященных основанию Москвы. Оно написано во второй половине XVII в. Автор его, имя которого неизвестно, решив в завуалированной форме отразить реальные исторические события, имевшие место в середине XVII в., — борьбу между патриархом Никоном и крутицким митрополитом, создал вымышленный рассказ о возникновении Москвы и Крутицкой епархии, основанной фантастически Сарой и Подоном. Он проявил знакомство с легендарной родословной русских князей от Августа-кеесаря, с легендами о построении городов, со сказаниями о начале монастырей.

Текст «Сказания» публикуется по списку: РГБ, собр. А. Н. Попова, № 2425, конца XVII—начала XVIII в., изданному в кн.: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964, с. 245—247; исправления внесены по спискам: ГИМ, собр. Муз., № 998; РНБ, собр. Погодина, № 1442.

Стр. 140. *Данил Иванович.* — Лицо вымышленное.

...Рюрика, короля римскаго... — Рюрик, согласно легендарно-политическим сказаниям, распространенным в русской литературе в XIV—XVI вв. (см. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955), приглашенный новгородскими послами из «Прусской земли» на княжение в Новгород и ставший основателем рода русских князей, был «сродником» римского императора Августа.

князь Георгий — лицо вымышленное.

...церковь... во имя Георгия Стратотернца... — Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, воздвигнутый в 1230—1234 гг.; украшен резьбой.

...царствие троеугольное... — С. К. Шамбинаго (Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 96) высказывал предположение, что под этим выражением следует подразумевать «триличное царство», возглавлявшееся царем Михаилом Федоровичем, его отцом Филаретом и матерью Марфой. Есть другое толкование: «троеугольное царство» — это «Великая, Малая и Белая Россия» (Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. С. 164).

Стр. 141. *Москва.* — Первое упоминание Москвы — селения, впоследствии главного города Московского княжества, столицы русского централизованного государства, согласно Ипатьевской летописи, относится к 1147 г., когда князь Юрий Долгорукий принимал в ней одного из князей.

... князь Алексѣй, князь Петръ — имена вымышленные.

...Алексинъ. — Здесь имеется в виду не город Алексин, расположенный к югу от Москвы, а находящееся севернее ее, как и сообщает «Сказание», село Алексино, принадлежавшее Крутицкой епархии, митрополиту Сарскому и Подонскому.

...на горахъ Подонскихъ... горы нарекоша Крутицы. — В действительности же история образования Крутицкой епархии иная: сначала это была Сарайская епархия, учрежденная в XIII в. в золотоордынском городе Сарай для облегчения участи христиан — русских пленников. В XIV в. она

распространила свои владения на земли по Дону и сарайские епископы стали именоваться «сарскими и подонскими». В XV в. епископство было перенесено из Сарая в Москву на Крутицы (возвышенное место на левом берегу Москвы-реки), но «из почтения к древности» наименование крутицких владык сарскими и подонскими сохранилось. Автор «Сказания», как предполагается, сознательно прибег к вымыслу, утверждая, что Крутицкая епархия образовалась около Москвы изначально.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» — одна из четырех повестей, посвященных основанию этого города. «Сказание об убиении...» сложилось между 1652 и 1681 гг., в составе летописца, и впоследствии распространилось в отдельных списках. В «Сказании» излагается легендарная история основания столицы, расцвеченная рядом вымышленных подробностей. Засвидетельствованные летописными источниками события, имевшие место в XII в. (основание Москвы князем Юрием Долгоруким, убийство Андрея Боголюбского Кучковичами), автор «Сказания» переносит в XIII в. и включает в вымышленные биографии сыновей Александра Невского — Даниила и Андрея Александровичей (умерших в начале XIV в.). Автор «Сказания» превращает свой рассказ в занимательное повествование о трагических событиях, будто бы предшествовавших основанию Москвы, и прежде всего о семейной драме, разыгравшейся при дворе князя Даниила. Наличие любовной интриги, насыщенной драматизмом подробностей, связанных с убийством Даниила, сделало «Сказание» излюбленным чтением на протяжении XVII—XVIII вв.

Текст печатается по списку: *ГИМ*, Муз. собр., № 3996, сер. XVII в., являющемуся старейшим списком «Сказания», изданному в кн.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964, с. 199—212. Исправления внесены по списку: *РНБ*, собр. Титова, № 3997, первой пол. XIX в.

Стр. 142. ...*боярина Кучка Стефана Ивановича.* — О самом Кучке источники ничего не сообщают. В летописях упоминаются Кучковичи — Аким Кучкович и Петр, «Кучков зять».

...*в стольники... в чашники.* — Стольник и чашник — дворцовые чины-должности в Русском государстве в XIII—XVII вв. В XIII в., когда происходит действие в повести, чашники руководили дворцовым ведомством, в их ведении находились также питейные погреба. В XVII в., когда создавалась повесть, стольники прислуживали великим князьям и царям на торжественных обедах и сопровождали царя в его поездках; в обязанности чашников входило лишь почетное присутствие на праздничных обедах.

...*княгине Улитъ Юрьевне...* — В исторических источниках не упоминается. Прототипом героини «Сказания» является жена князя Андрея Боголюбского «Повести о зачале Москвы».

Стр. 143. ...*ко князю Андрѣю Александровичю...* — По-видимому, имеется в виду сын князя Александра Невского, умерший в 1304 г.

Стр. 144. *Первыи мученики, Борис, и Глѣбъ, и Святослав, убьени быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомаго Поганого полка.* — Борис, Глеб и Святослав — сыновья киевского князя Владимира Святославича, убитые их братом Святополком в 1015 г., Борис и Глеб были причтены Церковью к лику святых.

Сыне же его, Ивану Даниловичю... — Иван Данилович Калита, великий князь Московский, ум. в 1341 г.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ МОСКВЫ ОЛЕГОМ

«Предание об основании Москвы Олегом» — одно из четырех произведений, посвященных началу Москвы. Основание города приписывается в нем Олегу, регенту при малолетнем князе Игоре Рюриковиче. Олег также помогает Игорю получить киевское княжение. После смерти Олега Игорь становится полновластным хозяином всех приобретенных Олегом земельных владений. При этом подчеркивается родство Игоря Рюриковича с римским императором Августом.

Памятник дошел в списках конца XVII—начала XVIII в. И вполне возможно (по мнению М. О. Скрипиля), что целью автора было исторически оправдать происшедшее в 60-х гг. XVII в. воссоединение Украины с Москвой: Москва и Киев оказались в руках родоначальника великих князей Московских, а в XVII в. — московских царей.

Текст «Предания» публикуется по списку *БАН*, 33.10.5 конца XVII в., изданному в кн.: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 259; исправление внесено по списку *РНБ*, F.IV.343.

Стр. 147. ...*Рюрика... Олгови...* — Речь идет о князе Рюрике (ум. в 879 г.), его сыне князе Игоре (ум. в 945 г.) и Олеге (ум. в 912 г.), который согласно преданию, отразившемуся в Повести временных лет, был регентом при малолетнем Игоре. По Новгородской первой летописи, Олег был воеводой князя Игоря.

...*Оскольдъ и Дир, князи киевстии...* — Об убийстве Олегом князей Аскольда и Дира говорится в Повести временных лет под 882 г.

...*от Кия... начася.* — В Повести временных лет рассказывается о князьях — основателях Киева — Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбедь; имя Хорива здесь искажено.

...*от колъна Августа... римскаго.* — Согласно легендам XVI в. (см. «Сказание о князьях Владимирских» — см. наст. изд., т. 9, с. 278—289) русские князья происходили от римского императора Августа. Почему Август назван здесь «тивиритским» неясно.

Олгъ прииде... и нарече Москва... — Основателем Москвы считается князь Юрий Владимирович Долгорукий (1090?—1157). Впервые Москва упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г.

...*Олгою... правнукою Гостомысловою...* — То, что жена князя Игоря Ольга была правнучкой новгородского старейшины Гостомысла, позднее предание (XVI в. ?).

Владимир Киевский — князь Киевский Владимир Святославич (980—1015).

СКАЗАНИЕ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЯХ

«Сказание о киевских богатырях» относится к числу интереснейших литературных повестей начала XVII в., разрабатывающих героическую и патриотическую темы на фольклорной основе. Используя мотивы былин об Илье Муромце и Идолище, об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче, «Сказание...» воспевает подвиги семи киевских богатырей — Ильи Муромца «с товарищи», спасшими Киев от набега царьградского царя Константина и его сорока двух богатырей (эпический «Царьград» — Константинополь, находящийся с 1453 г. под властью турок, осознается автором XVII в. уже как земля, враждебная Киеву). «Сказание...» долгое время рассматривалось как запись былин, причем более древней, чем известные в настоящее время варианты (Е. В. Барсов, А. Н. Веселовский, М. Н. Сперанский и др.). Однако, несмотря на большую близость «Сказания...» к былинным текстам, образам и стилистике, в нем иначе, чем в былинах, характеризуются отношения князя и богатырей (богатыри называют себя его «холопями» и хотят сложить голову «за государеву чашу», «за его хлеб-соль великую»; вместо «полей русских» возникает «княжеская вотчина» и др.), что обнаруживает приспособление элементов эпического былинного сюжета к идеологии служилых — воен-

ных и приказных — людей; именно в этой среде создается «Сказание...» как литературная повесть на основе былинных сюжетов и мотивов (В. Миллер, Н. К. Гудзий, А. В. Позднеев и др.). Древнейший список «Сказания...» датируется 1630-ми гг. и имеет владельческую запись 1642 г.; идеи его сформировались несомненно уже после разгрома татарских ханств — после взятия Казани (1552) и Астрахани (1556). Не исключено, что мажорное утверждение «Сказания...» — «А татар всѣх побилы — тѣм на Русь не бывати!» — могло возникнуть в период прочной стабилизации внешнеполитического положения Русского государства после преодоления кризиса Смуты в 1620—1630-е гг. (еще в конце XVI в. крымские татары совершали опустошительные набеги на «украины» Руси и активно действовали во время Смуты на стороне врагов государства).

Текст «Сказания...» публикуется по древнейшему списку 1630-х гг.: *ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 1463, л. 198—221.

Стр. 149. ...12 поприщѣ... — Поприще — путевая мера, здесь: эпический счет.

...перезжаючи Смугрю-реку... — В названии реки, не встречающемся в былинном эпосе, видимо, произошла контаминация эпического названия реки Смородины и пограничной Угры (приток Оки), где остановились войска Ахмет-хана в 1480 г., что означало конец монголо-татарского ига.

Карачевецъ — человек родом из Корачева, древнего города Черниговского княжества; в былинах упоминается село Карачаево (Карачарово) — родина Ильи Муромца.

...гуни голуба скорлату... — *Гуни* — верхние кафтаны, *скорлат* — сукно особой выделки.

...терлики... камки венецкие... — *Терлики* — исподние кафтаны, *камка* — шелковая цветная узорчатая ткань.

Стр. 150. ...Скоропѣвичѣ... — От слова «скорпия» — змея.

Стр. 153. ...ни черным волосом... — По-видимому, заговорное средство.

...шубы под аксамиты... — Шубы, покрытые аксамитами — плотной драгоценной тканью с золотыми и серебряными нитями.

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

«Повесть о Сухане» представляет собой переработку XVII в. былины о богатыре Сухане (Сухмане, Сохмате и т. п.). В основу повести лег один из вариантов былины, акцентирующий героическую тему, подвиг богатыря. По своему жанру повесть может быть отнесена к воинским повестям; в ее тексте запечатлелось знакомство автора с «Повестью о разорении Рязани Батыем» и «Сказанием о Мамаевом побоище» и с другими жанрами исторического повествования. В то же время в «Повести о Сухане» есть характерные черты охотничьего и воинского быта XVII в. с типичными для этого столетия понятиями «дѣла государева», «службы государевой». Да и сама тема борьбы с татарами продолжала для России оставаться актуальной.

Текст печатается по единственному сохранившемуся списку конца XVII в. (*ИРЛИ*, Древлехранилище, Отд. пост., оп. 23, № 39), один лист рукописи утрачен. Подробное исследование повести с публикацией текста и фототипическим воспроизведением рукописи см.: Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. М.; Л., 1956.

Стр. 155. *При великом князе Манамахе Владимеровиче...* — Имя князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1053—1125) заменило в повести традиционного былинного Владимира Красное Солнышко.

Потѣха кречятная — соколиная охота.

...с красным кречятом... — Особенно ценившаяся разновидность сокола с красноватым цветом оперения.

На праздникъ... Ивана Предотечи. — Т. е. 29 августа; с этого дня обычно начинался осенний период соколиной охоты.

Непра Слаутича... — Сходная форма обращения к Днепру встречается в плаче Ярославны в «Слове о полку Игореве».

Стр. 156. *Азбукъ Товруевичъ* — искаженное имя одного из татарских ханов или военачальников.

В правой руке и в левой... — Имеется в виду фланговое построение полков.

И царские приходы вѣсно чинили... — Подразумеваются выезды русских князей весной в Орду с данью.

Саадака — заимствованное из татарского языка слово «саадак» означало часть экипировки воина, состоящую из лука с налучником и колчана со стрелами.

Стр. 157. *...костры...* — В народном языке «костер» означает поленницу дров; подобное сравнение известно и по другим воинским повестям.

Стр. 158. *...три порока...* — Крепостные стенобитные орудия.

...у Софѣи... — Имеется в виду Софийский собор в Киеве.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

«Повесть об Азовском осадном сидении» — поэтическое описание действительных событий: четырехмесячной осады Азова турками в 1641 г. Мощная Азовская крепость — важный опорный пункт турецких владений в Причерноморье — была захвачена в 1637 г. без ведома и согласия русского правительства донскими казаками. В 1641 г. турецкий султан Ибрагим I послал под Азов огромную армию, насчитывающую около 250 000 человек. В Азове же находилось (по документальным данным) лишь около пяти с половиной тысяч казаков. Казаки отвергли предложение турок сдать крепость и героически обороняли ее в течение четырех месяцев, отбив 24 приступа. Турки были вынуждены снять осаду. Однако Земский собор, собравшийся в январе 1642 г., опасаясь войны с Турцией, отказался принять Азов в русское подданство, и летом 1642 г. остатки казачьего войска покинули город. Азов был присоединен к России лишь в 1696 г. в результате похода Петра I.

Существует три разновидности повестей об Азове. Здесь публикуется одна из них — так называемая «поэтическая» «Повесть об азовском осадном сидении». Ее автором был участник казачьего посольства в Москву, войсковой подьячий (начальник войсковой канцелярии) Федор Иванов Порошин, в прошлом — беглый холоп князя Н. И. Одоевского. По мнению исследователя повести А. Н. Робинсона, она была написана в конце декабря 1641 г. — начале января 1642 г., накануне созыва Земского собора, и являлась своеобразным литературным призывом поддержать героическую борьбу казаков. В своем произведении Порошин широко использовал образцы древнерусской воинской повести и казачьего фольклора.

Текст повести публикуется по списку: *БАН*, 32.11.7, XVII в. Исправления внесены по списку: *РГБ*, собр. Ундольского, № 794, опубликованному в кн.: *Воинские повести Древней Руси*. М.; Л., 1949, и списком: *РНБ*: НСРК, 1936, № 164; Q. XVII, 143 и Q. XVII. 209. Исправления отмечены курсивом.

Стр. 160. *...атаманъ казачей Наум Василевъ...* — Наум Васильев руководил обороной Азова и возглавлял казачью «станицу» (посольство) в Москву.

В прошлом, де, во 149-м году июня въ 24 день... — Осада Азова и приезд казачьей станицы в Москву происходили в одном и том же — 1641 г., но по летосчислению XVII в. год начинался с 1 сентября, и поэтому автор называет здесь 7149 и 7150 гг.

...окроме поморских и кафимских и черных мужиков... — Т. е. подданных турецкого султана (в том числе — русских), живших по берегам Черного моря и в Кафе (Феодосии); «черными» назывались люди, жившие на государственной земле (не крепостные).

...орды крымские и нагайские... — Ногаи — тюркская народность.

...загребаютъ люди персидские. — Имеются в виду земляные валы, сооружавшиеся турками возле стен осаждаемых крепостей во время войны с Ираном (Персией).

...народым Крым-Герей царевичь... — Крым Герай — брат крымского хана Бегадыра Герая; народым (нур-эн-дин) — титул первого сановника ханства.

Стр. 161. ...буданы... башлаки. — Буданы — мадьярское (венгерское) племя; башлаки — возможно, жители Боснии.

А збирался турской царь... четыре годы. — Казаки захватили Азов в 1637 г., но война с Персией (Ираном) и смерть султана задержали ответные действия турок.

Стр. 162. ...Муратъ-салтанова величества, царя турского. — Азов был захвачен казаками в период правления султана Мурата IV.

...Фому Катузина... — В 1637 г. казаки убили турецкого посла в Москву Фому Кантакузина (грека, принявшего мусульманство), заподозрив его в попытке связаться с осажденным ими Азовом.

Стр. 163. ...от царства вашего силнаго... не будетъ... помощи и выручки. — Русское правительство в дипломатических сношениях с Турцией стремилось подчеркнуть свой нейтралитет и снять с себя ответственность за действия казаков, хотя фактически тайно поддерживало их, регулярно посылая им жалованье, снабжая хлебом, оружием и припасами.

Стр. 164. *И не сидятъ люди ево персидские противу насъ, турок...* — В 1639 г. закончилась ирано-турецкая война победой турок; персидский шах вынужден был отступить из захваченных им районов Месопотамии.

...казачьих зипуновъ... — Зипун — название одежды и одновременно — добычи, трофеев.

А холопи мы природные государя царя христианскаго... — Намек на то, что казаки в основном были беглыми холопами (крепостными крестьянами).

Стр. 165. *То царство было христианское.* — Отражение популярных на Руси и особенно в казачьей среде надежд на освобождение от власти «басурман» Константинополя, захваченного турками в 1453 г.

А сребро и золото... от вас же водим. — Намек на ежегодные опустошительные набеги донских и запорожских казаков на турецкие города. В 1623 г. казаки разорили предместья самого Константинополя.

Стр. 166. ...украиною... от орды нагайские... — Украиной (т. е. окраиной) называлась пограничная полоса («черта») с укреплениями и городами-крепостями, отделявшая Русское государство от Поля, т. е. южных степей.

...Костянтина благовернаго. — Византийский император Константин XI Палеолог погиб при взятии Константинополя турками 29 мая 1453 г.

Стр. 168. ...вынесли большое знаме на выласке, царя турскаго... — Захваченное знамя было впоследствии доставлено казаками в Москву.

...у Предтечина образа... — Святой Иоанн Предтеча считался покровителем донских казаков.

Стр. 169. «С нами Богъ! Разумейте, языцы... яко с нами Богъ!» — Ср. рефрен из Великого повечерия. См. Часослов.

Стр. 170. ...Николинъ дом... — Церковь Николая-чудотворца.

Стр. 172. ...торжище тут... и от матерей. — В Азове, во времена владычества в нем турок, шла торговля «полоном» — угнанными во время турецких и татарских набегов жителями русских земель.

ПОВЕСТЬ О СЕМИ МУДРЕЦАХ

«Повесть о семи мудрецах», или «История семи мудрецов», — памятник средневековой литературы, берущий начало на Востоке. Известны по свидетельствам древних авторов, а затем и как конкретные сохранившиеся тексты пехлевийские, персидско-таджикские, сирийские, грече-

ские, древнееврейские, арабские, испанские, латинские, французские, английские, немецкие, нидерландские, валлийские, датские, идишские, польские, древнерусские, армянские и многие другие варианты и изводы этого сюжета (Runte Hans R., Wikeley J. Keith and Farrell Anthony J. *The Seven sages of Rome and the Book of Sindbad. An Analytical Bibliography.* New York, 1984).

Основная структура сюжета такова: жена царя влюбляется в его сына от другого брака и, отвергнутая им, обвиняет юношу в попытке овладеть ею. Царевича ждет смерть, но он не может оправдаться, так как узнает по расположению звезд, что должен молчать в течение семи дней. Для того чтобы отсрочить казнь, советники царя рассказывают ему поучительные истории о женском коварстве и об опрометчивости поспешных поступков, царица же противопоставляет им свои истории.

Первоисточником Повести является широко распространенная на Востоке «Книга Синдбада», или «История философа Синдбада».

В восточных версиях воспитание принца поручено одному мудрецу — философу Синдбаду, а в западных — семи мудрецам, этим и объясняется разница в названии.

Промежуточной между восточными и западными версиями является древнееврейская версия XII в. «Мишлей Сендебар», в которой впервые мудрецы названы по именам и борются за право воспитания принца.

Наибольшее распространение в средневековой Европе получила латинская «*Historia septem sapientium*» XIV в., которая была переведена на многие европейские языки.

В европейских обработках все более стирался восточный колорит, заменяясь представлениями христианизированного рыцарства, появлялись имена популярных царей — Кира, Веспасиана, Диоклетиана, место действия переносилось из одной страны в другую, увеличивалось число мудрецов (оно доходило до сорока), и в зависимости от этого менялось число новелл, вводились новые рассказы.

В польской литературе, откуда повесть пришла на Русь, перевод с латинского текста был сделан бакалавром Краковского университета Яном из Кошичек в 1540 г.

Русские тексты повести о семи мудрецах известны в обращении с начала 10-х гг. XVII в. (Азволинская И. Д. Повесть о семи мудрецах (датировка древнейших русских списков XVII в.) // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 255—258). Их общее число (свыше 70) свидетельствует о значительной популярности этого произведения, а переход отдельных сюжетов в устную сказку показывает, что не только средневековые представления о «женской злобе» поддерживали интерес к сюжету повести. Обилие сказочных элементов в повести рождало ассоциацию с русской сказкой: говорящие птицы, вещи сны, предсказания, игра на сходстве героев, исцеление детской кровью, воскресающие дети и т. п.

«Повесть о семи мудрецах» принесла в русскую литературу первые образцы забавной новеллы. Наиболее занимательные из них — о короле, отдавшем рыцарю своими руками жену, и о двух друзьях — Александре и Лодвике — уже в XVII в. выделились из общей канвы повести и существовали в виде самостоятельных историй.

Текстологическое изучение повести привело к выделению трех редакций — А, В и С. Редакция А содержит наиболее краткий текст, изобилующий полонизмами; редакция В содержит наиболее связный и подробный рассказ, в котором число полонизмов значительно уменьшается; редакция С представляет собой переработку, носящую наиболее литературный характер.

Текст повести публикуется по списку редакции С начала XVII в.: *РНБ*, О. XV. 2, л. 208—387.

Стр. 176. *Положимъ ему под ноzi по листу коблющему...* — Писцовая ошибка, неправильное разделение на слова; в польском тексте читаем: «...podłożymy po listku bluszczowem...» — «подложим по листку плющевому». См.: Poncján (Historja o siedmi mędracach). Przekładania Jana z Koszyczek. 1540. Wydał Juljan Krzyżanowski. Kraków, 1927. Str. 7.

Стр. 177. *...вънѣкоем граде Костеле...* — Искаженное название Кастилии, естественного и политического центра Пиренейского полуострова.

Стр. 181. *Тимпаны* — древний ударный музыкальный инструмент род тарелок, а также литавры.

Стр. 191. ... и повѣле ей на верхъ клетки дробин намѣтати... — Во всех русских списках польское слово «drabina» — «лестница» переведено неправильно: «дробина». В польском тексте жена приказала девке взять лестницу, влезть на крышу, сделать в крыше дыру над тем местом, где стояла клетка с сорокой, и бросать на нее камешки, песок и лить воду.

Стр. 194. ... и обрете под постелею родникъ, а на немъ семь строментовъ ворячю-ютця... — Это место не понято переводчиком, ошибка повторяется во всех русских списках. В польском тексте читаем: «zródl z którego płynęł siedm strumieniów wrzących» — «источник, из которого вытекало семь горячих ручьев» (M u r k o M. Die Geschichte von den sieben Wiesen bei den Slaven. Sitzungsber. d. phil.-histor. Classe d. keis. Akad. d. Wiss. Bd. 122, X. Wien, 1890. S. 94, 95).

Стр. 216. ...в кравчих... — В Русском государстве до XVII в. боярин, ведавший царским столом.

Стр. 217. ...чашник... — В Русском государстве до XVIII в. в обязанности чашников входило лишь почетное присутствие на праздничных обедах, в XVIII в. чашники руководили дворцовым ведомством, в их ведении находились также питейные погреба.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ АГГЕЕ

«Повесть о царе Аггее» была создана в конце 1670-х гг. в кругах образованных книжников, близких к московскому Печатному двору. Ее автор использовал международный сюжет о царе, лишенном престола за «гордость», привлекая в качестве источников прежде всего новинки своего времени — рассказ о гордом царе из «Неба Нового» украинского просветителя и церковного деятеля Иоанникия Галытовского, сборника, впервые переведенного с украинского на русский язык в 1677 г. (впрочем, в Москве читали его в оригинале), и «Слово о богатом и Лазаре» из «Обеда душевного» Симеона Полоцкого, работа над которым окончилась в 1675—1676 гг. Кроме того, есть внутренняя переписка «Повести...» и «Жития Алексея человека Божия»: герои обоих произведений попадают в сходные ситуации, но реакции их контрастны, поэтому внешне близкие ситуации «Повести...» и «Жития...» имеют прямо противоположные оценочные знаки.

Внимание к «Житию Алексея человека Божия» вызывалось серьезными причинами. Как придворная, так и массовая литература всеми доступными средствами прославляла официального небесного патрона царя Алексея Михайловича, сближая таким образом правящего государя по при знаку «святости» со святым. Однако автор «Повести о царе Аггее», вводя новый для русской литературы мотив подмены гордого царя ангелом, в противовес «Житию...» противопоставляет земного правителя и его небесного защитника. «Повесть...», по всей видимости, выражала взгляды той «фронды», которая была недовольна церковной политикой Алексея Михайловича, но не решалась выступить против нее открыто. Скорее всего, «Повесть...» была написана кем-то из сторонников опального патриарха Никона.

«Повесть о царе Аггее» представляет типичный образец повести-притчи, характеризующейся четкостью сюжета в сочетании с его многозначностью. С одной стороны, изначально прису- щая повести-притче дидактичность отходила на второй план перед занимательностью сюжета, с дру- гой — позволяла использовать повесть в идейной борьбе своего времени. Благодаря этому в разной читательской среде «Повесть о царе Аггее» воспринималась и как занимательный рассказ о необы- чайном происшествии, и как нравоучительное повествование, долженствующее внушить читателю определенный эталон поведения, и как политический памфлет, в аллегорической форме высказыва- ющий критику в адрес правящего государя.

Активная жизнь «Повести...» в рукописной традиции охватывает около двух веков — от последней четверти XVII до середины XIX в. В настоящее время известно шестнадцать ее редакций, подразделяющихся на многочисленные варианты и виды. Основная их группа появилась в 1680-х гг. Характерно, что в этот период редакторов почти не привлекают чисто литературные задачи; их вол- нуют идеологические проблемы. Исключение составляет лишь редакция, созданная Никифором Си- меоновым (Симеоновская).

Никифор Симеонов (ум. в 1686 г.) был справщиком Печатного двора, чрезвычайно образованным книжником и владельцем огромной библиотеки, насчитывавшей не менее 300 рукописных и печатных фолиантов на разных языках. Он интересовался всеми литературными новостями и пользовался большим авторитетом в писательских кругах, хотя и стоял несколько в стороне от активной идеологической борьбы. «Повесть о царе Аггее» в Симеоновской редакции по своим художественным достоинствам — одна из наиболее значимых самостоятельных обработок сюжета о гордом царе. Симеонов свободно перестраивает сюжет, отказывается от книжных оборотов и от утяжеляющих действие эпизодов, заменяет их заново написанными сценами; яркость бытовых сцен, тонкое чувство слова у создателя повести, наибольшая цельность в передаче авторского замысла присущи этой редакции.

Основные редакции «Повести о царе Аггее» опубликованы в кн.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. В наст. издании печатается в редакции Никифора Симеонова по рукописи: ГИМ, Синодальное собр., № 294, л. 117—119.

Стр. 228. *...чтуще святое Евангелие... «Богатии обнищают, а нищие обогатят»...* — Отсылка к Евангелию, характерная для большинства вариантов «Повести...», ошибочна; здесь несколько искаженно цитируется Псалтырь, ср.: Пс. XXXIII, 11.

ПОВЕСТЬ ОБ АНДРЕЕ КРИТСКОМ

«Повесть об Андрее Критском» входит в группу древнерусских произведений, написанных на один из популярнейших сюжетов мировой литературы и фольклора — «Эдипов сюжет». В отличие от других произведений этой группы — «Повести о папе Григории» и «Сказания Иеронима о Иуде-предателе», восходящих к западноевропейским источникам, «Повесть об Андрее Критском» известна у восточных славян не ранее XVI в. Вопрос о ее происхождении пока остается открытым, хотя наиболее убедительной представляется гипотеза Н. К. Гудзия о том, что повесть — оригинальный русский памятник, в котором были творчески соединены многие популярные мотивы других произведений (Гудзий Н. К. К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. № 1. С. 3—30).

Важной особенностью «Повести...» является то, что сюжет о герое, убивающем отца и вступающем в брак с матерью, связывается здесь с именем византийского церковного писателя и православного святого — Андрея, архиепископа Критского. Каноническое житие Андрея при этом не имеет ничего общего с бурным и грешным жизненным путем героя повести. Источником «апокрифической биографии» архиепископа неожиданно становится его наиболее известное творение — «Великий покаянный канон», включенный в состав обязательных служб Православной церкви. В основу повести кладутся некоторые буквально понятые признания безымянного героя канона, прямолинейно отождествленного с самим его автором. Повесть, таким образом, оказывается как бы легендарной предысторией создания канона. Основная его идея — патетическая вера во всеисильность раскаяния — также получает в повести рельефное, яркое и даже полемическое воплощение, неоднократно обыгрываясь в ходе повествования.

Сюжет «Повести...», полный драматических поворотов и полусказочных деталей, а также облик ее главного героя весьма далеки от агиографических канонов. Псевдожитие Андрея Критского находится явно на пути к занимательной новелле Нового времени.

Текст «Повести...», дошедшей в полусотне списков XVI—XIX вв., известен в шести редакциях и многочисленных вариантах. Древнейший список «Повести...», опубликованный Н. К. Гудзием в приложении к его статье, содержит очень краткое изложение событий без детализации и почти без прямой речи (сейчас БАН Украины, ДА/II. 581, к. XVI—XVII вв.). Эта редакция (краткая) сохранила многие черты архетипа памятника. Однако в XVII в. наибольшую популяр-

ность снискала другая распространенная редакция, известная во множестве вариантов. В настоящем издании текст печатается по списку: *РНБ*, Q. XVII.57, н. XVIII в. Он относится к третьему варианту распространенной редакции и впервые был издан Н. И. Костомаровым (Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. II. С. 415—417). В выверенный (по микрофильму) текст внесено несколько исправлений по смыслу (обозначено курсивом).

ПОВЕСТЬ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ

Средневековый рыцарский роман о подвигах Бово д'Антоня возник во Франции и в различных стихотворных и прозаических версиях обошел всю Европу. На Русь эта повесть попала сложным путем: в середине XVI в. в Дубровнике, славянской республике на берегу Адриатического моря, широко обращались издания соседней Венеции, в том числе и книги с итальянской версией романа о Бово д'Антоня. Сделанный здесь (и не сохранившийся) сербскохорватский перевод стал в том же XVI в. источником белорусского пересказа. К нему в конечном счете и восходят все русские списки.

Первый раз повесть о Бове королевиче была упомянута в одном московском источнике второй четверти XVII в. Списки памятника относятся к еще более позднему времени. Однако есть все основания считать, что он стал популярным очень рано, о чем свидетельствует великорусский именованье. Так, среди «мирских имен» (или прозвищ) эпохи Ивана Грозного находим *Бову*: в середине XVI в. в Рязани жил некий *Бова* Семенович Воробин, сын боярский (дворянин) из захудалой, но старинной фамилии Шевлягиных, дальних родственников Романовых и Шереметевых (см.: Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 42). В 1590 г. с Терека в Москву приехал с грамотами пятидесятник *Бова* Гаврилов. Десять лет спустя патриарший сын боярский (дворянин, служивший патриарху) *Бова* Иванов из рода Скрипицыных сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь. В 1604 г. из Москвы в Нижний Новгород вез государеву грамоту некий *Лукопер* Озеров. К смутному времени повесть прочно вошла в русскую культуру: это ясно из рукописного англо-русского словаря конца XVI в. врача Марка Рибли, служившего при московском дворе. К слову «a knight» (рыцарь) этот англичанин дает русский эквивалент «*личарда*», а *Личарда* — имя одного из персонажей повести. Она, быть может, сначала проникла в Московскую Русь в устной передаче и только позднее попала в письменность.

Из рыцарских романов и авантюрных повестей, вошедших в русскую литературу в допетровское время, на долю «Бовы королевича» выпал наибольший успех. Число известных нам рукописей, которые содержат это произведение, приближается к сотне. Кроме того, известно свыше двухсот лубочных изданий «Бовы» — последние из них выпускались даже после революции, в 1918 г. Отдельные сцены «Бовы» (картины боя Бовы с Полканом, с войском Маркобруна, с Лукопером, встречи Бовы с женой и детьми), а также портреты героя и Дружневны, Гвидона и Салтана изображались на многочисленных «забавных листах». «Бова королевич» перешел в русский фольклор, чему способствовала его близость к богатырской сказке.

Популярность «Бовы» предопределила сложность его литературной истории. Современные исследователи (см.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964) насчитывают пять рукописных редакций памятника. Он постепенно русифицировался и сближался с устным народным творчеством. Если белорусская версия была куртуазным романом со сложной интригой, на русской почве куртуазные черты ослаблялись и даже стирались. Лукопер стал похож на былинное Идолище, герои жили в теремах златоверхих и тешились соколиной охотой, Бова из европейского рыцаря превратился в православного витязя.

Повесть публикуется по списку конца XVII в.: *РНБ*, Q. XVII. 27, л. 365—403 об. (издан Ф. И. Булгаковым с многочисленными ошибками в кн.: Памятники древней письменности. СПб., 1879. Вып. I. С. 45—79), который по классификации В. Д. Кузьминой относится к 3-й редакции повести.

Стр. 236. *...и написала грамоту государю... королю Додону, пожаловать бы...* — Здесь очевидно влияние стиля канцелярского, приказного делопроизводства (ср. обычное заключение челобитных на царское имя: «Государь, смилуйся, пожалуй!»). «Пожаловать» в данном случае означает не «явиться самолично», не «прийти», а «сблаговолить, почтить, наградить».

Стр. 238. *И гости-корабелцики послали ярышков...* — Слово «гости» (это высший слой купечества, см.: ПЛДР, 8, с. 636) вызывало у русского читателя определенные ассоциации, включавшие наряду с богатством контакты с иноземцами и дальние путешествия: «гости» выполняли казенные поручения по финансовым делам, вели заграничную, в том числе и заморскую, торговлю. «Ярыжками» (ярыгами, ярыжными) именовались не только бродяги и мошенники (ср. пословицу: «С ярыжкой поводится — без рубахи находится»), но и должностные лица низшего разряда, так называемые «земские ярыжки», которые наблюдали за порядком на улицах, использовались в качестве посыльных и т. п.

Стр. 239. *...промеж собою хотят смертныя чаши пити о Бовѣ.* — Это иносказание в соответствии со средневековым литературным этикетом, означает смертельную битву или смертельный поединок: «гости» с оружием в руках собираются решить, кто будет хозяином Бовы.

...300 литръ злато. — Литра — единица и веса (один фунт 72 золотника), и меры (12 мотков-цевок пряденого золота; золото и серебро продавалось не слитками, а цевками, литрами).

Стр. 240. *...а отроду Бовѣ семь лѣтъ.* — Противоречие между детской немощью Бовы (ему не удержаться на скачущем коне и не справиться с тяжелым оружием) и его «взрослым» поведением (старшинство над конюхами, любовная история с Дружневной и т. п.) — это противоречие между реально-бытовым и этикетным изображениями персонажа. Согласно средневековому литературному этикету, после «посага на коня» (этот ритуал совершался в раннем детстве) князь избрался уже не как ребенок, а как взрослый человек.

Стр. 241. *...королевна на Бовинѣ слѣдѣ не могла насмотрѣтца.* — На Руси был распространен обычай колдовать по следу. След «заковывали» (втыкали в него гвоздь), чтобы вызвать хромоту; след «вынимали» (вырезывали землю или скребли пол) и нащепывали над ним — например, с целью «присушить», заставить сохнуть от любви; след «наговаривали» («насылали по следу»), насылая болезнь, порчу или опять-таки любовь.

Стр. 242. *...а промеж плечми мѣрная сажень.* — Встарь различали сажени *мерную* (казенную, печатную) — в 3 аршина, или 12 четвертей; *маховую* — в размах рук, по концы средних пальцев, в 2,5 аршина; *косую*, которая превышала мерную сажень, — от левой пятки до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки.

Стр. 247. *...превращу в свою вѣру латынскую и в нашего бога Ахмета...* — Объединение «латынства» (католицизма) и магометанства — не показатель невежества. Для человека Древней Руси, убежденного в истинности одного православия, «инославие» (неправославные христианские вероисповедания — несторианство, католицизм, лютеранство, кальвинизм и т. д.) уравнивалось с «иноверием» (иудаизмом, магометанством, буддизмом и проч.), объединяясь в понятие «безбожия». Ср., например, характеристику отрицательного героя в «Сказании о Мамаевом побоище»: он «еллинь сый вѣроу, идоложрецъ и иконоборецъ» (ПЛДР, 4, с. 132). Мамай, ортодоксальный мусульманин, о чем знал каждый, представлен здесь и поклоняющимся олимпийским богам язычником, и еретиком-христианином, отрицающим почитание икон, т. е. вообще «безбожником».

Стр. 253. *...опахнулъ на себя шубу одевальную.* — Слово «шуба» обозначало не только верхнюю одежду, но также теплое одеяло (в костромских и вологодских говорах) и вообще покрывало для сбережения тепла (*шуба избы* — зимняя покрывка из соломы и навоза). Чтобы читатель не подумал, будто лежавший в постели Бова накинул на себя одеяло, слово «шуба» сопровождается определением «одевальная», которое сигнализирует, что речь идет именно об одежде.

Стр. 255. *...у церковнаго пѣннѣя.* — Выражение «церковное пѣние» (и даже просто «пѣние», «пѣнѣ») — синоним выражений «церковная служба, храмовое богослужение». Русская православная традиция в отличие от западной предусматривала безусловный отказ от инструментальной музыки (исключая колокола).

Стр. 258. *...сорокоусты роздал.* — См. коммент. к с. 84.

ПОВЕСТЬ О ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ

«Сказание о Еруслане Лазаревиче» — одна из популярных русских повестей XVII в., прочно вошедшая в круг народного чтения. Ее герой Еруслан, несмотря на свое иноземное происхождение (часть его приключений основана на восточном сказании о Рустеме, популярнейшем эпическом герое средневекового Востока), стал народным русским богатырем, подобным былинному Илье Муромцу или сказочному Ивану-царевичу, а сама повесть о его приключениях (первые дошедшие списки датируются 1640-ми гг.) стала превращаться (как и роман о Бове) в народную книгу. Существуют многочисленные переделки повести — лубочные и сказочные, разнообразные издания, бойко раскупавшиеся на ярмарках и доставлявшие много радости любителям приключений. «На Руси не одна одаренная богатой фантазией натура, подобно Кольцову, — писал В. Г. Белинский, анализируя стихотворения А. В. Кольцова и круг его юношеского чтения, — начала с этих сказок (с «Бовы» и «Еруслана». — *Н. Д.*) свое литературное образование». В творчестве русских поэтов XVIII—XIX вв., начиная с М. М. Хераскова, фигура Еруслана стала символом бесстрашия русского воина и «витязя» времени «чудесного века» князя Владимира (Н. Львов). А. С. Пушкин навсегда закрепил это представление о Еруслане своей поэмой «Руслан и Людмила». «Сказание о Еруслане Лазаревиче» имеет европейскую известность (текст лубочной версии был переведен на немецкий язык уже в 1831 г. и издан в Лейпциге для широкого читателя, а сказка о Еруслане, возникшая на основе повести, неоднократно переводилась на немецкий и чешский языки) и воспринимается за рубежом как выдающийся литературный памятник русского средневековья, наряду со «Словом о полку Игореве» представляющий героическую тему в национальной русской традиции.

Восточное сказание о Рустеме, богатыре персидского шаха Кейкауса (в тюркском варианте сказания герой носит имя Арслан, т. е. лев), было распространено в Персии и у народов Кавказа и Средней Азии с глубокой древности; уже в X в. сказание было обработано выдающимся персидским поэтом Фирдоуси и вошло в его эпопею «Шахнаме» («Книгу о царях»). На Русь сказание могло попасть также издавна, так как торговые контакты с Востоком существовали с эпохи Киевской Руси. Они стали особенно интенсивными в конце XVI в., когда усилились дипломатические связи Московской Руси с Персией (известие о знакомстве русских с именем Рустема датируется 1592 г.: с ним сравнивался царь Федор Иванович в грамоте шаха Аббаса), и вновь окрепли после кризиса Смуты. К этому времени и относится, по-видимому, письменная фиксация сказания о Еруслане, причем не исключено, что создатель русской версии был знаком с текстом Фирдоуси (возможно, в устном пересказе). Повесть сохранила имена основных действующих лиц «Шахнаме»: Уруслан (Еруслан, Еруслон) — это Рустем (Арслан), царь Киркоус (или Картаус) — шах Кейкаус, отец Еруслана Залазар Залазарович (или Лазарь Лазаревич) — это богатырь шаха Заль-Зар, «вещий Араш» — легендарный конь Рустема Рахш, и др. (особенно близки «Шахнаме» имена героев в первоначальном варианте текста — в списке 40-х гг. XVII в.: *РГБ*, собр. В. М. Ундольского, № 930). Два основных эпизода повести — освобождение Ерусланом шаха Киркоуса и его богатырей из темницы царя Данилы Белого и возвращение им зрения и бой Еруслана с сыном — также имеют близкие параллели в сюжете поэмы Фирдоуси. Кроме того, повесть использует мотивы, специфические для восточного сказочного фольклора: выбор коня из табуна, происхождение богатырского коня от коня морского и его повадки в бою, женщина-лебедь, переносящая героя из царства в царство, и т. д. К восточному фольклору восходит и ряд стилистических черт первоначального текста повести, например специальные термины-названия вооружения и деталей конского убора, некоторые поговорки Еруслана или «формулы»-характеристики героев. Однако, несмотря на эти восточные мотивы, литературная разработка отдельных эпизодов повести, как и сюжета в целом, зиждется на русском фольклоре (в повести принципиально иной, чем в «Шахнаме», исход боя отца с сыном: в «Шахнаме» богатырь убивает сына), имеет своим истоком художественный мир образов русской сказки и былины. При последующей обработке повести в XVII в. из нее исключаются мотивы восточной волшебной сказки, текст разрастается за счет стремления редактора к полноте описания: все герои получают имена, описание детализуется, разрабатываются новые эпизоды (история богатырской головы); Еруслан приобретает черты «романного» героя, действующего в духе героев городского «рыцар-

ского» романа. Одновременно эта новая редакция насыщается русскими эпическими и сказочными формулами, придающими ей законченный в стилистическом отношении вид и делающими повесть полностью «русской». Именно эта редакция XVII в. легла в основу всех последующих переделок произведения — рукописных и лубочных; она публикуется в настоящем издании по списку конца 1710-х гг. (*РНБ*, собр. Погодина, № 1773, л. 207—238), ранее изданному в кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. II. СПб., 1860. С. 325—339.

Стр. 260. ...*во аграмаках*... — Т. е. в аргамаках; *аргамак* — конь-иноходец из породы крупных азиатских лошадей.

...*ни единого пѣнзя*... — Т. е. ни одной монеты.

...*седло черкасское*... — Т. е. казачье; «черкасами» в XVII в. назывались запорожские казаки.

...*по губамъ морскимъ* — Т. е. по заливам морским.

Стр. 265. *Кондурия, Прондора, Мендора, Легия*. — Грецизированные имена героинь отсутствовали в первоначальном тексте и появились при последующих переработках повести книжником второй половины XVII в. аналогично тому, как это происходило в других повестях этого периода (ср. «Повесть о Василии Златовласом»). *Легия* — возможно, значимое имя от греческого глагола ληγω — сдерживать, унимать.

Стр. 266. ...*во объѣждихъ головах*. — Объезжий голова — русский термин XVI—XVII вв. для обозначения начальника конного отряда, несущего службу по охране города.

Гоголь — утка-нырок.

Стр. 268. ...*во бѣлой япанчѣ*... — Япанча — накидка, плащ.

...*шляпа сорочинская*... — Т. е. сарацинская.

Стр. 279. *Солнце мое равитцкое*... — Видимо, от «аравитцкое», т. е. аравийское; формула устнопоэтического происхождения.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ ЗЛАТЫХ КЛЮЧЕЙ

«Повесть о Петре Златых Ключей» возникла при дворе бургундских герцогов в XV в. (Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964), и в основе ее лежит древняя итальянская легенда, связанная с островом Магелон у Средиземноморского побережья Франции (Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. Изд. подг.: Москалева Н. А., Пуришев Б. И., Френкель Р. В. М., 1986, с. 283—287). Россия узнала роман о Петре и Магелоне (таково его французское название) в середине XVII в. в польской обработке.

Рыцарский роман, и в частности «Повесть о Петре Златых Ключей», принес в старинную русскую литературу любовную интригу, благородную чувствительность героев, тему рыцарского подвига и рыцарского поведения (турниры, верное служение даме сердца), прославление красоты в героине и силы в герое, многочисленные приключения, часто грозящие героям гибелью. В повести также много элементов, присущих и авантюрно-приключенческому западноевропейскому роману: герои влюбляются друг в друга с первого взгляда, Петр скрывает свое происхождение и подлинное имя, тайным свиданиям влюбленных помогает наперсница-мамка Магилены, герой также тайно увозит королеву из отцовского дома, затем герои надолго разлучаются, а встретившись случайно, переодетые, не узнают друг друга. Под пером русских редакторов «Повесть о Петре Златых Ключей» приобрела еще и сказочный колорит, кроме того, подчеркнуто и богатство Петра.

Сравнив русский текст «Повести...» с польским изданием, исследователи В. И. Резанов (Из истории русской драмы. Действие о князе Петре Златых Ключах // *ИОРЯС*. Пб., 1906. Т. 11. Кн. 4), а вслед за ним В. Д. Кузьмина (Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910) отметили, что русский переводчик придал ей новые от-

тенки: вставил имя Петра в заглавие, тогда как в польском тексте указывалась одна Магилена, снял католическую окраску набожности обоих героев, по разным причинам сократил польский текст. Русский вариант — это «вольное, несколько сокращенное переложение польского оригинала».

Самый ранний из восточнославянских списков относится к 1660 г., а русский перевод — к 1662 г. Он выполнен переводчиками Посольского приказа во второй половине XVII в. В 90-е гг. XVII в. «Повесть о Петре Златых Ключей» вместе с другими «потешными книгами» читают маленькому царевичу Алексею Петровичу.

В XVIII в. повесть имеет широкое распространение в дворянской, мещанской, купеческой, а в XIX в. — в крестьянской и в солдатской среде. Вместе с «Повестью о Бове Королевиче» она входит в русский лубок.

В настоящем издании текст печатается по книге В. Д. Кузьминой «Рыцарский роман на Руси». М., 1964, в которой на с. 275—331 воспроизведен старейший полный список I редакции, 1702 г. (Киев, ЦНБ Украины, Муз. собр. 677 / ДА 892, л. 227—346); все списки XVII в., как установила В. Д. Кузьмина, дефектны. Текст для настоящего издания заново сверен с рукописью, внесены некоторые поправки, устранены неточности. Принимается в основном членение текста на фразы, произведенное В. Д. Кузьминой, ее поправки затемненных и ошибочных мест русского текста, восстанавливаемые ею по польскому изданию «Повести...» (Краков, 1701). Однако сохраняются «неправильные» с точки зрения современной орфографии чтения рукописи там, где правильное чтение (падежные окончания, согласования) легко восстанавливаются по смыслу.

Стр. 281. *...кralю Неопалитанскому...* — Все географические названия в тексте, кроме городов Александрии и Рима, не находят прямых аналогий со сходными реальными названиями и носят фантастический характер. Можно предполагать, что действие разворачивается по французскому, итальянскому и египетскому побережью Средиземного моря.

Стр. 283. *И велѣлъ здѣлать два ключа златые.* — Апостол Петр — страж райских врат, традиционно изображавшийся с ключами на поясе или в руках. Вот почему князь Петр выходит на рыцарский турнир в шлеме, к которому приделаны два золотых ключа, атрибуты его небесного покровителя. В эпоху Петра I возникла аллюзия имени главного героя с царским и апостольским одновременно.

Стр. 298. *Ланцылатъ* — один из героев рыцарских романов Артуровского цикла, рыцарь Круглого Стола (Ланцелот).

Стр. 311. *Вспомяни патриарха Иакова, въ какой жалости по сыне своемъ Иосифе былъ...* — Иаков — патриарх Ветхого завета, легендарный родоначальник «двенадцати колен Израиля». Имеется в виду библейское предание о том, как старшие братья продали в рабство любимого сына Иакова Иосифа, ставшего впоследствии фактическим правителем Египта.

...вспомяни жъ и Иева праведнаго... — Иов — ветхозаветный праведник, идеал долготерпения и покорности судьбе.

Стр. 319. *...накупила златоглавовъ... драгихъ поставовъ...* — Златоглав, поставки — шелковые и атласные ткани.

Стр. 326. *...ударили въ политавры и заиграли в шаломеи, и в ыные различные игры.* — Имеются в виду разные музыкальные инструменты, звучание которых сопровождало свадебное шествие.

ПОВЕСТЬ О БРУНЦВИКЕ

Во второй половине XIV в., в эпоху национального и государственного подъема, ознаменованного основанием в Праге, тогдашней столице Священной Римской империи, Карлова университета — первого университета в Средней Европе, комплекс литературных памятников на чешском языке пополнился прозаическим диптихом. Он объединил повесть о Штильфриде (ее не дошедший

до нас прототип был, видимо, сложен либо так называемым «безразмерным» стихом, либо рифмованной прозой) и повесть о Брунцвике (в ней использованы средневековые германские поэмы на тему «рыцарь со львом»). В результате объединения герои повестей были связаны родственными узами (чешский князь Штильфрид стал отцом князя Брунцвика) и общими целями: оба они стремятся к подвигам, дабы заслужить новые гербы. Смена гербов чешских государей (орел — лев), изложенная в повестях эпическими средствами и отнесенная к вымышленным князьям, соответствует исторической реальности. Древнейшая рукопись с диптихом датируется серединой XV в. (Университетская библиотека в Праге, XI. В. 4). Впоследствии, в XVI—XIX вв., повести печатались в пражских и провинциальных (чешских, моравских, словацких) типографиях, перешли в разряд «книжек народного чтения», переводились на немецкий и венгерский языки (см.: Kolář J. Česká zábavná próza 16. století a tzv. knížky lidového čtení. Praha, 1960).

Между тем в художественном плане две части диптиха — совершенно различные произведения. Первое представляет собой повествование о рыцаре без страха и упрека, который на великолепном турнире побеждает одного за другим двенадцать грозных соперников. Второе — это рассказ о полных опасностей странствиях, где в центре внимания оказываются описания фантастических островов и земель, сказочных чудовищ и волшебных замков. Интерес к экзотике и занимательности, столь характерный для русской литературы XVII в., обусловил обращение именно ко второй части чешского диптиха.

Большинство мотивов и ситуаций повести о Брунцвике находит аналогию в русской словесности. Таков мотив «муж на свадьбе своей жены», известный в Европе по крайней мере с «Одиссеи»: он присутствует в сказочной былине «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши». Здесь же мы встречаемся с узнаваемым по кольцу (это излюбленный мотив сказок). В роли «благодарного животного» фольклор знает сокола, орла и ворона, медведя и коня, а также и льва. Лев — нередкий персонаж древнерусской литературы. Он верно служит авве Герасиму (легенда о нем входит в Синайский патерик в качестве 134 главы и встречается как самостоятельное произведение; эта легенда была обработана Н. С. Лесковым). В притче «О некоем вельможе» из «Римских деяний» (они вошли в круг русских переводов примерно в то же время, что и повесть о Брунцвике) герой спасает льва «из рва глубока» и получает в награду сокровища. В 1670-х гг. Симеон Полоцкий написал для сборника «Вертоград многоцветный» стихотворение «Лев». Это переложение тринадцатисложником известная античная легенда Авла Геллия об Андрокле и льве. Меч «всем головы долой», который оказывается у Брунцвика, — фольклорный меч-самосек из разряда волшебных предметов (таким же мечом-кладенцом располагает и Бова). О песьеглавах и карбункуле, «господине всех камней», идет речь в «Сказании об Индийском царстве». В «Александрии» говорится о зверях, стерегущих ворота, о магнитной горе и т. п.

Однако сюжет — это не простая сумма мотивов. До перевода повести о Брунцвике в русской литературе не было памятника, построенного исключительно на описаниях приключений человека в фантастических землях. Если переводная рыцарская беллетристика XVII в. говорит о взаимоотношениях людей и люди играют в ней главные роли, то здесь изображен грандиозный и вневременной конфликт — конфликт человека и природы. Он подчеркнут «значащими» именами (Европа, Африка) и осложнен тем, что герой странствует не только по земле, но и по преисподней (ономастикон повести недвусмысленно указывает на нечистую силу). Отсюда — рефлексия Брунцвика, его колебания и страхи, вообще не свойственные рыцарской беллетристике.

Самые ранние списки русского перевода относятся к третьей четверти XVII в. (в изданиях использовано в общей сложности 12 списков, см.: Петровский М. История о славном короле Брунцвике // ПДП, вып. 75. СПб., 1888; Polivka J. Kronika o Bruncvikovi v ruské literatuře // Rozpravy České akademie. R. I, tč. 3, č. 5. Praha, 1892). Это — единственное указание на время перевода, которым мы пока располагаем. Сравнение с чешскими текстами показывает, что оригиналом перевода была, скорее всего, рукопись, архаичная по языку и достаточно близкая той версии, которая представлена в пражской Университетской рукописи XI. В. 4. Впрочем, вопрос об оригинале остается открытым, ибо не сохранились древнейшие чешские старопечатные издания, в том числе оломоуцкое 1565 г.

Ныне известно 35 списков русского перевода. В нем под пером редакторов и переписчиков стирался чужеземный колорит (опускались упоминания о гербе, «чешская» и «чешская» страна

превращалась в «некую», «великую», даже «французскую»). В XVIII в. повесть бытовала в демократической среде — в среде мелких чиновников, грамотных крестьян, ремесленников и дворовых, пономарей и дьячков. Тула, Новгород, Троице-Сергиев монастырь, Воронеж и Петербург, Москва и Псковская губерния, Тверь, Казань, Муром, Великий Устюг и Устюжский уезд — такова поистине «всероссийская» география распространения повести о Брунцвике.

Повесть печатается по старейшему и не публиковавшемуся ранее списку: *БАН*, 34.8.25 (л. 467 об.—485 об., 530—530 об.), который принадлежит к первой группе основного вида краткой редакции (см.: Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969. С. 102—105). Этот список сохранил много богемизмов — и в морфологии («помогл», «плове»), и особенно в лексике. Так, здесь говорится о «панях и панах», в диалогах часто употребляется слово «пане» (звательная форма). Из других лексических заимствований из чешского оригинала укажем на «теж» (тоже), «торгаться» (чешское *trhati se* — драться, таскаться), «долон» (старочешское *dolou* — вниз).

Этот список, однако, уже достаточно далек от архетипа русского перевода. Здесь немало механических ошибок (исправленных в публикации по другим спискам и по смыслу), разноречие в именах персонажей, есть и стилистическая правка. Список, по-видимому, переписывал украинец или белорус, на что указывает регулярная путаница *ѣ* и *и* («мирами» вместо «мѣрами», «никѣй» и проч.). Она устраняется лишь в тех случаях, когда затрудняет понимание текста. Украинизмы (или белорусизмы) вовсе не означают, что повесть о Брунцвике позволительно включать в круг украинских переводов XVII в. (см., напр.: Колееса О. Погляд на історію українсько-чеських взаємин від Х до ХХ в. В Празі, 1924, с. 6). Ни лексических, ни синтаксических украинизмов либо белорусизмов в повести о Брунцвике нет. Переводчиком ее был великоросс.

Стр. 327. *...моя милая Неомения!* — На латыни имя героини означает «новолуние».

Стр. 328. *...и волна сильная...* — В оригинале *vuoně silná* (сильный запах).

Стр. 329. *...а словот ног.* — Чудовище с телом льва и орлиными крыльями, грифонес. Ног (русский фольклорный вариант «ногай») известен восточным славянам уже из древнейшего перевода Библии (Левит, XI, 13; Второзаконие, XIV, 12) и из «Александрии»: «Грифонес, еже есть ног, и того гнездо бяше ногово на 15 дров» (Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 188). В волшебных сказках типа «Золотая гора» чудовище называется иногда «птицей-львицей». Русский читатель XVII в. получал сведения о ней из азбуковников.

Стр. 332. *Тая гора бѣ славна, именуема Карванкулос...* — Имеется в виду карбункул, который в средние века считался «господином всех камней» («Сказание о Индийском царстве»).

...короля мѣста того Отлибриуса. — Имя короля (в оригинале *Olibrius*) заимствовано автором чешской повести из средневековой легенды о св. Маркете.

Стр. 335. *...в той своей скинии, алюбю в пещери...* — Для русских читателей XVII в. скиния — это вовсе не пещера, а куща, сень, шатер, т. е. походная церковь израильского народа («святая святых»), которой он пользовался в скитаниях, до сооружения иерусалимского храма. В оригинале *v té své jeskupí* (в пещере). Переводчик прибег к транслитерации и тем самым исказил смысл, хотя текст понимал правильно.

...бродяше до пояса в гаду. — Очевидно, что в оригинале было *v gedu* (в яде, в отраве). Переводчик знал, что в чешском языке произошла перегласовка *a* в *e*, и правильно сделал обратную перегласовку, но не учел, что в старинной чешской графике *g* может читаться как *j*.

...яко великая кафа винная. — В оригинале был употреблен германизм (нем. *Kufe* — бочка). Для русских переписчиков этот фрагмент оставался камнем преткновения: в рукописной традиции встречаются невразумительные варианты «кафидина», «кохопутина», «кафадина».

Стр. 337. *Едини бо колют, а други колибы дѣют, друзии тонцы водят...* — Здесь переводчик допустил ошибки: *kolí* означает «кружатся», а не «колют»; выражение «тонцы водят» отсылает к музыке (игре на струнном инструменте или пению), а в оригинале речь идет о танце (*tancijí*). Сочетание «колибы дѣют» — видимо, вставка переводчика: он пытался изобразить беспорядочное веселье, которому предавались «Ашметове дияволи» (в оригинале *Azmodeové d'ábli*, асмодеи), их беспорядочное «колебание».

Стр. 338. *Мѣсто же то нарицаемо Ейбатамис.* — Здесь переводчик неправильно прочел *g* как *j* (в оригинале Egbatanis).

Стр. 339. *...именем Клеофа.* — Это имя (Kleofáš, Cleophas) попало в чешскую повесть из чешской версии псевдокаллисфеновой «Александрии», где носящему это имя персонажу Александр Македонский дарует персидскую державу.

Стр. 340. *...со единыя страны орла на красной земли, а з другия страны лва сѣброго на черной земли.* — В действительности гербы чешских князей выглядели иначе (черная орлица в серебряном поле и двухвостый серебряный лев в красном поле).

ПОВЕСТЬ О ВАСИЛИИ ЗЛАТОВЛАСОМ

Вопрос о происхождении повести и времени ее создания до сих пор остается открытым. В повести нет каких-либо достаточных языковых примет, чтобы более или менее достоверно определить ее происхождение. Единственное, что обращает на себя внимание, — это греческие имена героев, причем они соответствуют функциям героев в повести. Так, у греков прозвище Златовласый означало умного, благородного, красивого человека; и действительно, в повести все отмечают красоту и благородство «гусельника Василия». Имя королевы Полиместра в переводе с греческого означает «многосватанная, объект святовства», а ближайшие аналогии сохранившемуся в некоторых рукописях изначальному имени главного героя «Валамих», «Валамем», «Валаомем» (т. е. «отвергнутый» или «первый встречный, всякий желающий») также соответствуют функции героя. В то же время исторические и бытовые реалии повести, ее лексика не противоречат нашим представлениям о литературе конца XVII в. Несомненна связь повести с русским фольклором: в основе ее лежит сюжет сказок о разборчивой невесте, есть сюжетные совпадения с былинной о Соловье Будимировиче и Забаве Путятишне. Герой повести не только далек от рыцарских идеалов, он как бы противопоставлен им. За «смех свой» он воздаст сторицею, предавая свою «прекрасную даму» публичному осмеянию. Вполне вероятно, что повесть была написана русским книжником, знакомым с греческим языком.

Известно восемь списков «Повести о Василии Златовласом»: семь Краткой и один Пространной редакции. Все они относятся к XVIII в. Текст публикуется по списку Пространной редакции (РНБ, собр. Погодина, № 1603, л. 168—217), изданному впервые И. А. Шляпкиным в ПДП, вып. XXXI. СПб., 1882.

ПОВЕСТЬ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМ

«Повесть об Аполлонии Тирском» является русской обработкой XVII в. популярного средневекового произведения, время и место возникновения которого точно не установлены. Ученые считают, что латинская «История Аполлония, царя Тирского» — не оригинал, а перевод или переделка несохранившегося греческого романа II—III вв. н. э. На это, по их мнению, указывают особенности сюжета, построенного с использованием многих мотивов позднеэллинистических романов (скитания героев, похищение морскими разбойниками, кораблекрушения, мнимая смерть, разлука любящих, эффект неожиданных встреч и т. д.), а также значимые имена действующих лиц, смысл которых понятен только с учетом их значения в греческом языке.

Традиция раннего романа требовала придать ему видимость действительной истории. Этим, вероятно, объясняется введение исторической фигуры царя Антиоха и использование, при указаниях на место действия, названий реально существовавших городов и местностей.

Одной из особенностей романа об Аполлонии является смешение в нем языческих и христианских понятий и представлений.

«История Аполлония, царя Тирского» была очень популярна в средневековой Европе. Она известна, например, латинской, испанской, новогреческой, английской, немецкой, голландской, венгерской, чешской, польской, русской и скандинавским литературам. Сюжет романа использовали в своих произведениях Шекспир, Лилло, Генрих Нейштадтский, Стефан Шолуха.

При переводе на другие языки латинская версия романа нередко претерпевала значительные изменения. Существенной переработке подверглась она и при переводе на чешский язык. Повествование стало значительно короче, утратились многие поэтические подробности, поведение героев по образцу рыцарских романов стало аффектным: они много плачут, падают в обморок, лобзают друг друга, произносят пространные патетические монологи. Чешская версия романа об Аполлонии была почти без изменений переведена в XVI в. на польский язык, а в середине XVII в. — с польского на русский в составе сборника «Римские деяния».

Не позднее 70-х гг. XVII в. русский перевод повести был основательно переработан, возникла дидактическая редакция произведения. Целью книжника-моралиста было перевести «Повесть...» в разряд традиционного «душеполезного» чтения. Основные приемы переработки приключенческого романа в дидактический таковы. Во-первых, повесть преподносится здесь не как занимательный приключенческий сюжет, интересный сам по себе, а как свидетельство всемогущества и всеведения Бога — того, что ни один грех не остается без наказания, а за благочестие и смирение следует вознаграждение. Во-вторых, автор дидактической редакции использует агиографический метод изображения персонажей, который состоит в идеализации положительных героев с позиций христианской морали, наделяя их христианскими добродетелями. Значительно изменен, например, характер Лучницы — супруги Аполлона. Если в первоначальной русской редакции героиня отличается независимостью, самостоятельностью, решительностью, то в дидактической редакции она мягче, добросердечнее, проявляет больше смирения и кротости. Наконец, переработка «Повести...» в дидактическое произведение отразилась на языке и стиле произведения: в новой русской редакции «Повесть...» пересказана намеренно архаизированным церковнославянским языком, «украшенным», экспрессивно-эмоциональным стилем, характерным для церковно-учительных жанров.

Текст дидактической редакции публикуется по рукописи: РГБ, собр. Беляева, 12 (1518), вт. пол. XVII в.

Стр. 358. ...*Антиох Великий* — Антиох III Великий в действительности царь не греческий, а сирийский, правивший с 222 по 187 г. до н. э. Сообщаемые в романе факты его жизни: преступная связь с дочерью, убийство его молнией — литературный вымысел. Антиох III был убит в Элиманде местными жителями при разграблении его войсками храма бога Бела.

Антиохия Великая — Антиохия, древний город на Ближнем Востоке, некогда великолепная столица Сирийского государства. Антиохия была основана не Антиохом III, как сообщает повесть, а его дедом, первым сирийским царем Селевком Никатором (300 г. до н. э.), который и дал ей наименование в память своего отца Антиоха. В 1270 г. город был разрушен мусульманами до основания. На месте Антиохии находится сейчас г. Антакья.

Стр. 360. *Тир* — в древности знаменитый финикийский город-государство на восточном побережье Средиземного моря. Разрушен мусульманами в 1291 г. На месте Тира сейчас находится г. Сур в Ливане.

Тарс — в древности главный город Киликии. Теперь — остатки поселения на окраине современного г. Тарсуса в Турции.

Пенязи — название серебряной монеты в Древней Руси.

...*образ его посреди града поставиша.* — Эпизод раздачи Аполлоном хлеба гражданам Тарса, пострадавшим от неурожая, и помощь в отстраивании города воспроизводит характерные черты греческой жизни первых веков н. э. Соответствует реальной действительности и сооружение на форуме («посреди града») статуи Аполлона за оказанную им щедрую помощь городу. Обычай отливать и ставить на площадях медные статуи основателям, восстановителям и благодетелям городов был широко распространен в то время.

Стр. 362. *Пентяполь* (Пентаполь) — со времен Птолемея название Киренаики с ее пятью городами. При римском владычестве вновь вошло в употребление прежнее название страны.

...шумерскими... науками утешается. — Шумеры, шумерийцы — древний народ, населявший Южное Двуречье. В первой половине II тысячелетия до н. э. шумеры и восточные семиты слились в один аккадский народ. Шумерский язык оставался в Двуречье языком науки и религии до II—I вв. до н. э.

Стр. 366. *Эфес (Эфес)* — город на западном побережье Малой Азии, основанный в XII в. до н. э. греками. От древнего Эфеса сохранились руины некоторых построек.

Стр. 367. *...упроси ю, еже стояти ей в болей божнице вмѣсто богини или вмѣсто властелини...* — Данное место искажено при переводе с польского на русский язык. В латинской повести Архистратиды (Лучница) служит в храме богини-девы Дианы (в польской — в храме богини Весты) и в силу этого обязана соблюдать целомудрие.

В та же лѣта ни брады, ни главы голити, ни тѣло свое мыти завещася. — Выражение скорби, традиционное для язычников.

Стр. 369. *Мельхин* — искаженное Мерсин — древний город в Малой Азии недалеко от Тарса. Сейчас — развалины близ современного г. Мерсин на юге Турции.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ И ЛЬВИЦЕ

«Повесть о царице и львице» — русская версия широко известного в европейской средневековой литературе сюжета о приключениях оклеветанной и изгнанной царицы и ее сыновей. Повесть возникла в России в 1673—1677 гг. как русский перевод польского рыцарского романа об Оттоне и Алунде; не позднее 1690-х гг. этот перевод был переработан. Заинтересовавший русского книжника новизной и занимательностью повествования, рыцарский роман в то же время не соответствовал полностью его литературным вкусам, пока еще довольно традиционным; поэтому и возникает повесть на тот же сюжет, но написанная по канонам древнерусской литературы. Фигура напрасно гонимой, страдающей, но испытывающей в конце концов на себе Божию справедливость царицы подходила для цели автора — на основе занимательного сюжета создать христианско-дидактическое произведение. Русский редактор исключает из повести о римском цесаре Оттоне и его цесаревне Алунде тему рыцарских подвигов героев, сокращает описания, диалоги и монологи, и в то же время умело использует агиографический метод изображения событий и персонажей, столь характерный для древнерусской литературы: в основе конфликта «Повесть о царице и львице» обязательный элемент житий — противопоставление добра и зла; герои житийно-условны, покорны воле Бога. Автор рассматривает жизнь своих героев как эталон нормы, вечный и повсеместный, и в связи с этим опускает личные и географические имена (некоторые позднейшие варианты повести нарушают первоначальную безымянность героев, наделяя их самыми разнообразными именами).

Сочетание дидактичности и занимательности обеспечило «Повести о царице и львице» долгую литературную жизнь: до нас дошло около 250 списков конца XVII—начала XX в. в сборниках агиографического состава, а также в сборниках, содержащих выписки из Месяцеслова, Пчелы, Измарагда, Звезды Пресветлой.

Текст публикуется по рукописи: *БАН*, 38.5.32, конца XVII в., исправления внесены по рукописи: *БАН*, Каргопольское собр., № 101, XVIII в.

Стр. 377. *...в палестинскихъ странахъ...* — Место действия, которое выбрал русский книжник для своей повести, традиционно для патериков и прологов.

Стр. 378. *Сигѣклит* — синклит — здесь: приближенные царя.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ВАСИЛИИ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

«Сказание...» — памятник демократической беллетристики рубежа XVII—XVIII вв., известный по единственному списку середины XVIII в. Первый издатель и комментатор «Сказания...» В. В. Сиповский (Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905) полагал, что «Сказание...» — поздняя «русская народная переделка» иноземного текста, однако анализ текста повести обнаруживает ее исконно русское происхождение. Автор повести — начитанный книжник: «Сказание...» сохранило следы его знакомства с популярными на Руси историческими сочинениями о византийском иконоборчестве и об осаде Царьграда (Константинополя), с легендарными рассказами о поругании христианских святых и их чудесном избавлении; близки ему также народные представления о царе-мучителе и об идеальном царе, о героях-разбойниках, спасших государство, о поединке, который должен решить судьбу города, о чудесном богатырском коне, и др. В «Сказании...» отразилась (в пересмысленном виде), по-видимому, реальная историческая действительность конца XVII—начала XVIII в.: напряженные русско-турецкие отношения несколько раз приводили к военным действиям. Мажорный конец повести — победа «молодого царя», ряд других идей и деталей текста (водружение «столпов», предсказание царице Ирине перед рождением сына о нем как о победителе «бусурманов» и др.) напоминают об исторической ситуации конца XVII в. (взятие Азова в 1696 г.) и позволяют предположить, что эти мотивы «Сказания...» навеяны азовской победой Петра I и ее триумфальным празднованием (см.: Демкова Н. С. Стилистическая «пестрота» народной беллетристики рубежа XVII—XVIII вв. (Сказание о царе Василии Константиновиче) // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 182—192). Повесть публикуется по списку: РГБ, ф. 236, № 71, л. 9—20 об.; очевидные пропуски текста отмечены многоточием в угловых скобках.

Стр. 390. ...в... градъ Костентине... — «Костентин-град» — не имеет реального соответствия, выступая как «заместитель» захваченного турками Царьграда — Константинополя.

...имя ему Костентинъ. — Имя царя соответствует имени «младого Константина», о котором повествовал Русский Хронограф и различные выборки из него: это Константин VI, восстановивший (вместе с матерью императрицей Ириной) иконопочитание на VII Вселенском соборе в Никее (797 г.); ср. в русской былине имя «царь Константин Боголюбович» (былина «Илья Муромец и царь Константин Боголюбович»).

...царь Долматъ Евсеѳвичъ! — Имя царя напоминает о персонаже популярной в XVII в. «Повести о Еруслане Лазаревиче», а отчество его могло быть навеяно духовным стихом «О Голубиной книге», где фигурирует царь «Давид Иесеевич».

...ростомъ трех сажень... — Эпическая формула описания богатыря противника, напоминающая описание Идола Скоропеевича в тексте «Сказания о киевских богатырях».

...три черкашенина наемные... — «Черкасами» в конце XVI—XVII в. именовали «заднепровских» казаков, тогда выступавших — в качестве союзников крымского хана — враждебно по отношению к московскому правительству; счет «три» — эпический.

...на Сионских горах... — В фантастическом «географическом» мире «Сказания...» центр православия «Костентинъ-град» находится среди священных библейских гор (Сион — название одного из холмов, на которых расположен Иерусалим).

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕ МИХАИЛЕ

«Слово о благочестивом царе Михаиле» создано русским автором в середине XVII в. и является одним из первых опытов свободного варьирования на исторические темы. Автор прекрасно ориентируется в греческих хрониках — в том виде, в каком к середине XVII в. они существовали на Руси. Судя по ряду деталей, автор пользовался, скорее всего, русским переводом Хроники Георгия

Амартола (возможно, что он знал ее лишь по какой-либо из древнерусских исторических компиляций).

Герой повести византийский царь Михаил (842—867) был известен древнерусскому читателю по хроникам Зонары, Георгия Амартола, Манассии, по русским хронографам, Никоновской летописи и Степенной книге. Его характеристика, как правило, однозначна: недаром он получил прозвище Пьяницы, а греческие историки говорят о его попойках, самодурстве, увлечении конями. Однако об отрицательных чертах Михаила ничего не говорится, царь традиционно изображается «благочестивым», славным «во всех странах» и не имеет почти ничего общего со своим историческим прототипом. Мало этого: рассказ о воцарении «извоздника» Василия, прототипом которого также был реальный византийский император Василий Македонянин (867—886), приближается к типу сочинений об узурпаторах престола, хитростью или коварством занявших место истинных правителей; в этом контексте Михаил предстает невинной жертвой. Может быть, мольба царя в сцене убийства навеяна и русскими памятниками («Повесть об убийстве Андрея Боголюбского», «Сказание о Борисе и Глебе»).

«Слово о царе Михаиле» наполнено русскими реалиями, характерными для московского быта XVI—XVII вв.: пребывание царя у литургии и заутрени, стрельцы как царская охрана, «князи и бояры» как приближенные царя. Михаил принимает Василия, сидя на престоле, а последний для сообщения о смерти царя велит соорудить «столп», подобный московскому Лобному месту. От русской сказки несомненно типичная ритмичность речи, внутренняя рифма, гиперболы, общий зачин, а также награда Василию за подвиг — полцарства.

«Слово о благочестивом царе Михаиле» опубликовал Сперанский по рукописи: *РГБ*, собр. Ундольского, № 942, сер. XVII в. (Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII в. // ТОДРЛ. Т. 1. С. 161—164. Л., 1934). Печатается по той же рукописи.

Стр. 395. ...*Московские области извоздникъ нѣкто, имянем Василей...* — Московские — явная ошибка русского писца, должно быть Македонские; Василий, исторический прототип будущего императора, происходил из македонских крестьян и, основав на византийском престоле македонскую династию, получил у потомков прозвище Македонянин.

...*вторымъ царемъ во Цареграде и дам тебѣ половину Царяграда...* — Для истории Византии характерно одновременное правление двух императоров, о чем русские читатели знали из многочисленных исторических хроник и компиляций. Обещание не только поделить престол, но и отдать «половину Царяграда» сходно с типичным сказочным мотивом «отдать половину царства».

СКАЗАНИЕ О ДРЕВЕ ЗЛАТОМ И О ЗЛАТОМ ПОПУГАЕ

«Сказание о древе золотом и золотом попугае» создано в середине XVII в., возможно, тем же автором, что и «Слово о благочестивом царе Михаиле». Для него также характерно свободное отношение к источнику, вольное варьирование разнообразных мотивов, ориентация на сказовый стиль и русский фольклор; героями повествования также являются императоры Царьграда, образы которых столь же далеки от их исторических прототипов.

Основным источником для автора «Сказания...» послужила византийская история в переложении Русского Хронографа. Именно там сохранился наиболее подробный рассказ о создании императором Феофилом золотого дерева с драгоценными птицами и о его сыне царе Михаиле, который, пропив все богатства отца, разломал под конец чудесное дерево (см.: ПСРЛ. СПб., 1911. Т. XXII. Ч. I. С. 338, 342, 349). Однако царь Михаил в «Сказании...», как и в «Слове...», изображается благочестивым, мудрым правителем и не имеет ничего общего с реальным императором. В «Сказании...» на Михаила перенесены положительные черты его отца, ему приписано и сотворение золотого дерева. Отрицательные же черты исторического Михаила, его неблагоприятное поведение переданы вымышленному царю Левтасару, поскольку реально сменивший Михаила на престоле

Василий Македонянин по чертам характера и поступкам не подходил к образу нечестивого наследника.

Источником для второй части «Сказания...» послужил широко известный древнерусскому читателю ветхозаветный сюжет о пророчестве царю Валтасару (Книга Даниила, гл. V).

Это не случайно, в большинстве хроник распутный Михаил сравнивается с вавилонским царем Валтасаром. (Видимо, имя Левтасар — видоизмененное Валтасар). Третья часть «Сказания...» — об убийстве Левтасара Дарием Мидянином (лишь упомянутым в Книге Даниила) — скорее всего, сочинена автором.

Столь смелое соединение сюжетов, традиционно закрепленных в определенном историческом контексте и не связанных между собой, — новаторство в русской литературе XVII в. Таким путем создается то, что позднее получит название «исторической беллетристики».

«Сказание...» получило довольно широкое распространение. Особый вид его представляют списки XVIII в., где появляются мелкие детали, иногда объясняемые большей близостью к источнику. Однако, как правило, подобные детали вторичны и связаны с позднейшей «логизацией» повествования.

На основе третьей части «Сказания...» была создана особая повесть «О царе Валтасаре Вавилонском», где нет речи о золотом дереве, а ветхозаветный сюжет дополняется рассказом о убийстве грешного царя собственной стражей.

Два варианта «Сказания о древе златом и златом попугае» опубликованы: Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 164—170.

В настоящем издании печатается наиболее ранний вариант «Сказания...» по рукописи: РГБ, собр. Ундольского, № 943, XVII в.

Стр. 399. *И повелѣлъ в вестовой колоколъ звонить...* — Вестовой — видимо, вечерней колокол, собиравший в Новгороде и Пскове горожан на общее собрание — вече.

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕВИЧЕ ВАЛТАСАРЕ

Повесть о королевиче Валтасаре была создана на рубеже XVII и XVIII вв. Три ее основных эпизода встречаются по отдельности или в разных взаимосочетаниях во многих памятниках мировой литературы и фольклора, наиболее известными среди которых являются вступительный рассказ «Тысячи и одной ночи» о царе Шахрияре и его брате Шахземане, новелла об Астольфе и Иоконде в «Неистовом Роланде» Л. Ариосто (песнь XXVIII), новелла из сборника Дж. Серкамби (XV в.). Судя по всему, русский автор впервые установил четкую последовательность всех трех эпизодов в едином повествовании, где функциональные места обманутого, обманщицы и обманывающего занимают разные действующие лица в ситуациях все более и более необычайных, благодаря чему читатель все глубже погружается в атмосферу женского коварства. Повесть вобрала в себя все возможные варианты сюжета о женских изменах, став своеобразной его «энциклопедией».

Отсутствие конца в единственном сохранившемся списке повести позволяет только предположить характер ее развязки. Судя по всем известным вариациям данного сюжета, герой должен признать «непобедимость» женщин в их стремлении к изменам и примириться с собственной женой. Повесть о королевиче Валтасаре занимает промежуточное положение между средневековой традицией обличения «злых жен» (рудиментом чего является цитата из слова Иоанна Златоуста) и новеллистической ренессансного типа с новым изображением земной любви и женского характера.

Повесть о королевиче Валтасаре была опубликована Н. К. Пиксановым по рукописи РГБ, собр. Пискарева, № 172 (П и к с а н о в Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 86—92). В наст. изд. публикуется по той же рукописи.

Стр. 406. *О, зло всего злее... злоязычною и пронырливою.* — Цитата из слова Иоанна Златоуста о злых женах (Пролог под 20 июля).

ПОВЕСТЬ О ПЕРСТНЕ

Повесть о перстне представляет редкую для древнерусской литературы обработку мирового сюжета, известного после баллады Шиллера под названием «Поликратов перстень». Ранее мотив предмета, найденного в рыбе, не играл самостоятельной роли, а главное — не был связан с *потерей* (случайной или нарочитой) этого предмета. Двучастный мотив (потеря предмета и его находка) встречается прежде всего в переводных памятниках и, возможно, пришел к нам в XVII в. из западных литератур, где он значительно более распространен. Публикуемый памятник — единственно известное до сих пор произведение, специально трактующее этот сюжет.

Повесть о перстне сохранилась в двух версиях (обе — XVII в.) под названиями: «Притча о истинне господине» и «О вельможи цареве». Сюжетная схема их полностью совпадает, и вторая, вероятно, явилась обработкой «Притчи». В «Притче» внимание автора сосредоточено на философских вопросах отношений владыки земного (царя) и небесного («истинна господина», т. е. Бога). В повести о вельможе внимание перемещено на отношения царя и мудрого советника.

Текст «Притчи о истинне господине» опубликован В. П. Адриановой-Перетц по рукописи конца XVII в. (Адрианова-Перетц В. П. Из истории русской повести XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 199—202). Повесть «О вельможи цареве» публиковалась по списку РГБ, собр. Шибанова, № 132, л. 85 об.—86 об., последней четверти XVIII в. (см.: Ромодановская Е. К. К истории сюжета о Поликратовом перстне в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 400—404). В наст. изд. публикуется по недавно обнаруженному списку ГИМ, Синодальное собр., № 908, л. 51—53.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ГАЗИЕ

Повесть о царе Газие, созданная в середине 1640-х гг., представляет наиболее ранний опыт обращения к библейским сюжетам в чисто художественных целях и использования их для создания беллетристических сочинений. Ее автор использовал ветхозаветный рассказ о царе, не поверившем слову пророка (см. 4 Цар., гл. VI—VII), вводя ряд русских реалий и сюжетных изменений. Так, имя главного героя явно навеяно образом прислужника пророка Елисея Гиезии, который в древнерусской литературе служил символом корыстолюбия. С обличением неправого богатства, к которому стремится герой повести, собирающий деньги за чудесно явившийся хлеб, связано и имя пророка Аггея: ему приписано одно из самых распространенных слов в обличение «златолюбивых».

Три сохранившихся списка «Повести о царе Газие» представляют три особые редакции памятника. Наибольший интерес представляет вторая редакция, сложившаяся не позднее 1680-х гг. Она отличается наибольшей цельностью, освобождением от противоречивости первоначального источника, усилением антицаристского аспекта всего сочинения: подчеркнуты не только корыстолюбие и скупость Газии, но и его «гордость».

Тексты «Повести» по всем известным редакциям опубликованы в кн.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. В наст. изд. печатается текст второй редакции по рукописи РГБ, собр. Большакова, № 88, л. 96 об.—98, 1680-х гг.

Стр. 410. ...по 4 пулы твоя кадь пшеницы... — Пуло, или пул — разменная медная монета очень малой ценности, чеканившаяся в XV в. в ряде городов на Руси; в текстах XVII в. употребляется как символ ничтожной стоимости. *Кадь* — традиционная древнерусская мера сыпучих тел, лишь в XVII в. заменяемая четвериком; на окраинах государства кадь употреблялась вплоть до 1630—1640-х гг.

Стр. 411. ...на царе́ве мере... — Понятие «царевой меры» связано с политикой русского правительства XVI—XVII вв. по введению единой системы мер; соответствие меры принятому образцу удостоверялось царской печатью.

СЛОВО О СУДЬБАХ БОЖИИХ

«Слово о судьбах Божиих, яко небо и земля мимо идет, а словеса моя не имут прейти» сохранилось в единственном списке первой трети XVIII в. Оно относится к беллетристическим повестям о «проверке Писания», широко распространенным в литературе XVII в., что подчеркнуто вынесенной в заглавие цитатой из Евангелия. Для повести характерно оригинальное сочетание фольклорных и книжных традиций: исконная правота евангельского текста доказывается разработкой чисто сказочного сюжета, напоминающего сюжет «спящей царевны» (предсказание грядущих бедствий при рождении ребенка, безуспешные попытки родителей избежать их, волшебное исполнение предсказанного). Чисто сказочный мотив ворона, крадущего, а затем возвращающего драгоценный камень, соседствует с книжными элементами, созданными под влиянием официального законодательства (мотив «бесчестия» и наказания «бичом по нагому телу») и реалий нового времени (бочка с порохом — «зелием»). Индивидуальным авторским творчеством можно объяснить эпизоды с философом «на золотом ковре» и торжественное описание посольства, везущего царскую дочь.

Повесть послужила основой для сказки, дважды записанной на Пинеге и получившей название «Царевнина Талань» (талань — судьба), см.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (736В*).

Повесть публикуется по списку ГИМ, собр. Забелина, № 510, л. 14—17, ранее издававшемуся: Ромодановская Е. К. Неизвестная повесть-сказка в рукописном сборнике XVIII века // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 234—241.

Стр. 412. ...небо и земля ... не имут преитти. — Ср.: Мф. 24, 35; Мр. 13, 31.

ПОВЕСТЬ О РОЖДЕНИИ И ПОХОЖДЕНИЯХ ЦАРЯ СОЛОМОНА

«Повесть о рождении и похождениях царя Соломона» — оригинальное русское сочинение второй половины XVII в. В повести объединены два наиболее популярных в мировой литературе сюжета, берущих свое начало в древнейших индийских сказках. Один из сюжетов представляет собой рассказ о рождении Соломона, его изгнании из дома, долгих скитаниях по чужим землям и о возвращении в родительский дом, другой — о женитьбе Соломона и похищении его жены. Каждый из этих сюжетов имеет самостоятельное развитие в устном народном творчестве и древнерусской литературе. Так, сюжет, связанный с умыканием Соломоновой супруги, нашел свое решение еще в двух повестях, широко распространенных в русской рукописной традиции XVI—XVII вв. Первая из них — «Повесть о царе Соломоне и Китоврасе» — рассказывает о похищении Соломоновой царицы мифическим существом Китоврасом; вторая — «Повесть о Соломоне, его жене и Кипрском царе» — широко известная в середине века у южных славян, а в XVI—XVII вв. и на Руси — называет похитителем царя Кипрского.

Известна письменная фиксация сюжета о рождении Соломона и его судьбе до женитьбы (см.: РНБ, собр. Погодина, № 1612, л. 154—155), хотя более популярен этот сюжет был в устной традиции (см. записи сказок: Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. С. 206—221; Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. Пг., 1915. С. 203—206; Смирнов А. М. Сборник великорусских сказок. Пг., 1917. С. 282—285; Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 99—108, и др.).

Автор «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» совместил и обработал два сюжета, уже имевших в XVII в. свою письменную историю. (Подробнее о происхождении этой повести см.: Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв. (Характеристика редакций) // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 257—273).

Повесть о рождении и похождениях царя Соломона стала в XVII в. самым популярным сочинением среди сказаний Соломонова цикла. Многочисленные ее переделки (XVII и XVIII вв.) были в основном направлены на усиление фольклорной струи (см.: Титова Л. В. Фольклорные обработки XVIII в. Повести о рождении и похождениях царя Соломона // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 209—251).

Текст «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» печатается по одному из наиболее ранних списков (посл. четверть XVII в.) — РГБ, собр. Ундольского, № 632, л. 143—164 об. Исправления вносятся по списку: РГБ, собр. Румянцева, № 363, л. 418—439 об.

ПОВЕСТЬ ОБ АСТРОЛОГЕ МУСТАЕДДЫНЕ

«Повесть об астрологе Мустаеддыне» переведена с польского языка в 70-х гг. XVII в. Как установила польская исследовательница Элиза Малэк, оригиналом для перевода послужило произведение польского шляхтича Кржиштофа Дамианеуса, написанное в 1596 г. Автор несколько лет провел в турецком плену, знал историю Турции, бывал в Константинополе (Стамбуле), был знаком с турецкой литературой. Возможно, что «Повесть об астрологе» создана на основе турецких легенд (Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. XXV. С. 242—258).

В 70-х гг. XVII в. Турция начинает войну против Польши и России. Русская дипломатия пыталась создать антитурецкую коалицию, заключив союзы с Польшей, Священной Римской империей (Австрией), южногерманскими княжествами, Венецией. Однако из-за внешнеполитических противоречий между этими странами антитурецкая лига не состоялась, и в войне 1677—1678 гг. за Украину Россия оказалась один на один с Турцией. В этой обстановке появилась в русской литературе «Повесть об астрологе» — антитурецкое политическое произведение, внушающее читателям мысль о необходимости объединения государств против общего врага и предсказывающее сокрушение Турецкой империи в войне с северными соседями — Московским и Польским государствами. Таким образом, перевод «Повести об астрологе» выполнял агитационно-публицистические задачи и, возможно, был сделан в Посольском приказе по поручению царского двора. Кроме того, повесть отвечала познавательным историческим интересам русских читателей, сообщая сведения о турецких султанах и событиях турецкой истории. Читателя того времени интересовала и астрология, с которой в его представлениях связывалась возможность предсказаний и пророчеств. Политические идеи произведения были поданы в занимательной беллетристической форме.

В списках XVII в. повесть содержит немало полонизмов, а вирши, с которых она начинается, передают синтаксические особенности польского стихотворного эпиграфа. В списках XVIII в. полонизмы устраняются, относительно равносложные вирши сменяются неравносложными стихами с русским порядком слов: «Всегда предкове наши собранием на волка ходили, // Его же так удобне ловили. // Сим образом христиане вкупе на турка идите, // Аще вы жити мирно хотите».

«Повесть об астрологе Мустаеддыне» нашла себе место не только в древнерусской литературе, но и в литературах XVIII, XIX и даже начала XX вв. Интерес к этому тексту возникал периодически при обострении русско-турецких отношений. В этих поздних обработках из «Повести...» полностью исчезает упоминание о Польше и все предсказания о государстве, которому суждено победить Турцию, относятся только к России.

Научное издание «Повести об астрологе Мустаеддыне» осуществила Элиза Малэк по списку: РНБ, собр. СПб. Духовной академии, № 302, 70-х гг. XVII в. (ТОДРЛ. Т. XXV. С. 254—258).

Настоящее издание подготовлено по этому же списку с небольшими исправлениями по списку: БАН, собр. Архангельской семинарии, № 228, XVII в.

Стр. 422. *Сулиман, салтанъ турской...* — Сулейман I (1520—1566), известный в Европе под прозвищем Великолепный, а у турецких историков названный Эль-Кануни (Законодатель). Его царствование было временем наибольшего военного могущества Турции. При нем были завоеваны юг Венгрии, остров Родос, Тунис, Триполи, Багдад, Грузия, часть Азербайджана.

...нынбшнему Махмету-салтану... — Правнук Сулеймана I, Магомет III (1593—1603). Вступив на престол, казнил девятнадцать своих братьев. В его правление Турецкая империя начала клониться к упадку.

Стр. 422—423. *Сыгеръ-градъ взялъ, тогда духовную написав... Тѣмже повелѣваю и увѣщываю, дабы есте никогда на польской народ не наступали...* — При осаде венгерской крепости Сигета Сулейман I умер, а крепость была взята великим визирем Соколлу Мехмет паша Тавил. Рассказ о завещании Сулеймана не лишен исторической основы: Сулейман в 1521 г. принял послов Венеции, России и Дубровника. Послу Василия III Третьяку Губину было обещано, что крымский хан не будет беспокоить Московское государство набегами.

Стр. 423. *...со Вѣденским королем...* — В эти годы главой Священной Римской империи Габсбургов со столицей в Вене (Ведне) были Максимилиан I (1564—1576) и Рудольф II (1576—1612).

...салтанъ Муратъ... — При Селиме II (1566—1574) и его сыне Мураде III (1574—1595) Турция постепенно теряет свои позиции мощной военной державы.

...дѣдъ его, учинил жены своея ради (яже бѣ от рода российскаго, дочь священника из Рогатына). — Хоррем-Султане, мать Селима II, по свидетельствам европейцев, была пленной украинской поповой по имени Роксолана из г. Рогатына, находящегося к юго-востоку от Львова.

Стр. 424. *...в Скутарѣ-градѣ, иже древле нареченъ бѣше Калкидонъ, положениемъ сопротивъ Константинополю...* — Ускудер (Скутари) — часть Стамбула, расположенная на азиатском берегу Босфора. В античные времена на этом месте находился город Халкидон.

...нѣсколько сот людей адямальгланъ.. — Слово «адямальгланъ» (в другом случае — «адямагдаланъ»), по-видимому, искажено, однако в нем можно узнать турецкое словосочетание: «ния их рабочая скотина» (перевод А. Д. Желтякова). Судя по тексту, речь идет о рабах-христианах. В Турции большое количество этих рабов было украинцами: часть пленных, захваченных крымскими татарами в набегах на Украину, отправлялась как обязательная дань султану. Пленные использовались на тяжелых работах в садах, на пристанях, на галерах.

...на двѣ копии. — В рукописи на полях к слову «копии» дано пояснение «пики».

...зѣло великих мѣдных круглых колес... на образ глобуса... — Древний астрономический инструмент армиллярная сфера, или армилла, составленная из нескольких металлических кругов или обручей, соединенных между собой шарнирами.

Стр. 425. *...ѣхалъ морем... к Черьному морю во Азию...* — По-видимому, автор так называет Босфор, на берегу которого в пригороде Стамбула находятся дворцы и сады.

...когда Османъ-пашу персиды побили под Тивириемъ-градомъ столицемъ персидские земли... — Не ясно, о каком событии идет речь. Тивирий — город Тебриз, столица Персии с 1358 г. до середины XVI в. При Мураде III в 1590 г. шах Аббас заключил мир с турками, уступив им Азербайджан с Тебризом. Но при Магомете III в войне 1603 г. турки потерпели несколько серьезных поражений и должны были вернуть Персии Тебриз и некоторые другие территории.

Стр. 426. *...доколь в мирѣ сохранишъ и перемирье содержишъ съ единым народом в сохѣдствѣ оттуду, от полунощи, идѣже восходитъ колесница небесная... убо какъ скоро тѣ приобщились бы к людям и к народу себе ближнему, от полунощи к востоку живущему...* — Мустаеддын иносказательно говорит о Польше и России.

...и тако кончину и послѣднее падение в году 1591-м быти разумѣли тому государству, в то время, егда салтанъ турской посылал войско свое зѣ беглербегом грекомъ до Снятина... — Беглербег, или беглербей, правитель турецкой или персидской области; Снятин — Снятынь, город на левом берегу реки Прут. О каком походе говорит автор, установить не удалось.

ПОВЕСТЬ О ПОРТУГАЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Время создания «Повести о португальском посольстве» — конец XVII—начало XVIII в. Последний исследователь «Повести...» (см.: Малэк Э. О происхождении и источниках «Повести бывшего посольства в Португальской земле» // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria*. 1988. Т. 22. С. 7—16) доказывает, что это произведение «принадлежит к памятникам русской оригинальной прозы». По своему характеру «Повесть...» относится к популярному в средневековье жанру вопросо-ответной литературы. С одной стороны, что отвечает традициям вопросо-ответного жанра, в «Повести...» большое место занимают схоластические остроты, но, с другой — и по построению, и по содержанию целого ряда эпизодов она носит сказочный характер. Несмотря, однако, на сказочность «Повести...», анализ ее источников, проведенный Э. Малэк, убедительно показывает книжный характер произведения. О возникновении «Повести...» в среде русских книжников наглядно свидетельствует загадка о письме и книге, в разгадке которой говорится, что киноварью начальные буквы и строки особенно любят писать на Руси.

Повесть сохранилась в трех списках XVIII в. По одному из них (сборник первой половины XVIII в. *БАН*, 13.6.8; собр. Яцимирского, № 37, л. 1—39) она была издана: Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905. С. 268—284. В наст. издании текст печатается по этому же списку. Исправления ошибок этого списка, обозначенные курсивом, сделаны по списку *БАН*, 21.8.34. (Все три списка «Повести...», как вполне обоснованно считает Э. Малэк, восходят к одному протографу).

Стр. 428. *Бранденбург* — одно из крупнейших княжеств средневековой Германии.

Никастрата — аркадская нимфа, прорицательница.

Стр. 432. *Кто не родився умре?* — Адам.

...в матернѣ чрево вниде. — Адам, созданный Богом из земли, был погребен в земле.

Кто есть той человекъ, ниже с небеси сниде... а человекъ бысть. — В вопросе и ответе имеется в виду Ева: она вторая после Адама и создана Богом из его шестого правого ребра.

Кто родися не умре? — В вопросе и ответе имеется в виду Богородица: рожденная людьми, она была взята во плоти на небо.

Стр. 433. *Кто прежде Адама со брадою сотворен бѣ?* — Козел. Иносказательный смысл ответа, в котором говорится о рыбах, неясен.

Стр. 434. *...что есть: стоит море на пяти столбахъ...* — Смысл загадки — чаша с вином, которую держат на пяти пальцах.

Стр. 441. *Что есть: стоит древо бес кореня... сятъ не бываетъ?* — Смысл загадки: дерево — земля; цветы — люди; корыто — могила; птица — смерть.

ПОВЕСТЬ О РАЗУМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Повесть состоит из двух коротких новел (притч), основанных на восточном фольклоре. Оба сюжета были включены в конце XVII в. в «Книгу мудростей и лжи» мусульманского кавказского писателя Сулхана Сабы Орбелиани (1658—1725), состоящую из собранных им народных повестей и притч. Рассказ о двух совах широко распространен в азербайджанском фольклоре и зафиксирован в классических бейтах великого азербайджанского поэта XII в. Низами, в его эпосе «Сокровищница тайн» («Рассказ о шахе Хосрове Нуширване и его везире»); текст повести весьма близок тексту Низами (см.: Низами Гянджеви. *Сокровищница тайн*. Баку, 1947. С. 56—59 / Пер. М. Шагинян). В раскрытии основной идеи фольклорного источника (похвала человеческому разуму, помогающему людям защитить свое достоинство в условиях деспотического правления, похвала мудрому — «золотому» — слову, спасающему человеческую жизнь) повесть близка таким выдающимся памят-

никам переводной и оригинальной русской литературы XI—XVI вв., как «Повесть об Акире Премудром» и «Повесть о Петре и Февронии», также выросшим на основе эпического нравственного идеала. Время написания повести может быть определено лишь приблизительно как начало XVII в. (Один из двух известных списков повести датируется 1629—1640-ми гг.). Заглавие повести, имеющееся в списках («От книг бытей татарских»), указывает не только на источник, но и на среду возникновения повести: она была написана в кругах книжников, имевших доступ к «татарским книгам» или к устным пересказам восточных притч (известно, что русские посольства в Персию в первой четверти XVII в. — Ивана Петлина, Федора Котова — записывали «татарские» рассказы). Древнейший список повести находится в конце рукописи, содержащей Пискаревский летописец, созданный в 1610-х гг. в кругах московских приказных (автор его, по гипотезе акад. М. Н. Тихомирова, — знаменитый книгопечатник Никита Фофанов, закончивший работу над ним в Нижнем Новгороде в 1612—1615 гг.). Предположение об авторе повести как о человеке, связанном с печатным или посольским делом, хорошо согласуется с ее основным смыслом: образованные люди — «въ государстве годны», разум спасает души.

Повесть издается по списку 1620—1640-х гг.: РГБ, ф. 228, № 176, л. 717—722 об. Впервые издана М. О. Скрипилем (ТОДРЛ. М.: Л., 1948. Т. VI. С. 324—327).

Стр. 444. *Улус* — территория, занятая кочующим родом, и одновременно указание на самый род кочевников.

Пристав — гонец.

Стр. 445. *Уланы* — конные воины, охрана.

Человек... гулящей... — В системе понятий XVII в. это человек вне социальных связей, бродяга.

Стр. 446. *Селища пустыя* — запустевшие поселения, из которых ушли крестьяне, забросив пашни.

БЕСЕДА ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ

«Беседа...» написана в характерной для средневековой учительной литературы форме диалога. Практически же — это развернутый монолог. Отец, делясь с сыном своим жизненным опытом, использует яркие примеры как из самой жизни, так и из авторитетных книг, таких как Священное Писание, Патерики, Слова Иоанна Златоуста и др. Среди источников «Беседы...» также Изборник 1073 г., Слова о добрых и злых женах, приписываемые Иоанну Златоусту, а также статьи из «Азбуковника», «Физиолога», сведения из Александрии, Проложные Слова. При таком пестром материале «Беседа...», естественно, представляет собой «мозаику», искусно составленную автором, как отмечено в названии, «от различных писаний...».

Основную же роль в создании «Беседы...» сыграли анонимные Слова о добрых и злых женах. Об этом говорят и ряд близких чтений и само построение «Беседы...», основанное на сопоставлении двух точек зрения (отца и сына) относительно женских характеров. Однако это не простое копирование. Так, в Словах только намечен ряд страдальцев от злобы женской (Адам, Иосиф Прекрасный, Давид, Самсон, Соломон, Александр Македонский) — в «Беседе...» рассказы о них даются с большей полнотой.

Относительно происхождения «Беседы...» у ученых прошлого столетия были противоречивые мнения. А. Н. Пыпин считал «Беседу...» творением русского автора (Пыпин А. Н. История русской литературы. Изд. 2-е. СПб., 1902. Т. 2. С. 528), А. Н. Веселовский же предположил, что это «обработка какой-нибудь западной статьи» (Веселовский А. Н. Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. Изд. 2-е. СПб., 1880. Т. 1. С. 443). В настоящее время исследователи склоняются к тому, что «Беседа...» принадлежит перу русского книжника XVII в. (Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе» / Исследо-

вание и публикация текстов. Новосибирск, 1987). Широкое распространение «Беседы...» и живой интерес к ней читателей привели к тому, что до наших дней сохранилось свыше ста списков в 5 редакциях и большом количестве вариантов текста.

Текст «Беседы отца с сыном о женской злобе» публикуется по наиболее исправному и раннему списку (90-е гг. XVII в.) первоначальной редакции: ГПБ, собр. ОЛДП. Q. № XVIII, л. 148—169. Исправления вносятся по списку первой четверти XVIII в.: ГПБ, собр. Титова, № 71.

Стр. 449. «...Сего ради оставит человек... в плоть едину». — Мф. 19, 5.

Стр. 454. «Безвѣстная и тайная премудрости твоя... Возмердиша и согниша раны моя... и вся беззаконие мое очисти». — Ср. Пс. 37, 6; 50, 5—11.

«Не пощади жезла твоего и учи сына своего, егоже любиши». — Ср. Пс. 13, 24.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ ДЛЯ РИЧАРДА ДЖЕМСА В 1619—1620 гг.

Ричард Джемс (ок. 1592—1638 гг.) — англичанин, посетивший в 1618—1620 гг. Россию, в записной книжке которого обнаружилась запись русских народных песен. Уроженец Ньюпорта, Ричард Джемс окончил Оксфордский университет, стал (примерно в 1615 г.) священником и в этом качестве принял участие в посольстве английского короля Иакова I к царю Михаилу Федоровичу. Королевское посольство было ответным: в 1617 году русский царь посылал дворянина Степана Ивановича Вольнского и дьяка Ивана Поздеева в Англию с целью укрепить существующие и уже традиционные дружественные отношения и ускорить обещанный заем.

Английское посольство отплыло из Англии 3 июня 1618 г. и 16 июля прибыло в Архангельск. Глава посольства, сэр Додлей Диггс, услышав, что по стране бродят и разбойничают шайки поляков, возвратился из Холмогор в Англию. Остальные послы, сопровождаемые Федором Владимировичем Уваровым, через Вологду прибыли 19 января 1619 г. в Москву и были размещены в большом Посольском дворе в Китай-городе. 16 марта они были приняты царем. 15 июля состоялась прощальная аудиенция, и 20 августа в сопровождении Ивана Фомича Сытина англичане уехали из Москвы в Архангельск. Но когда они туда прибыли, навигация уже окончилась. Спутники Ричарда Джемса отправились на запад посуху, а сам он остался в Архангельске и, проведя там зиму 1619/20 г., весной уплыл на родину.

В Англии Ричард Джемс продолжал служить в церкви и писал. После его смерти (похоронен около церкви св. Маргариты в Вестминстерском аббатстве) в Оксфордскую Бодлеянскую библиотеку был передан 31 том его рукописей, содержащих главным образом тексты проповедей, стихи, богословские произведения и разного рода заметки. Согласно описи, среди них находились и его записки о путешествии в Россию, но они пропали. Уцелела, однако же, под номером 43, его записная книжка, самодельная, со сделанным в Архангельске черным кожаным переплетом с клапаном и узеньким ремешком-обмоткой. В этой книжке на 73 страницах помещается русско-английский словарь; а в особой вплетенной в записную книжку тетрадке из 8 листов, несколько меньшего размера, находятся шесть русских народных песен, записанных каким-то русским грамотным человеком великорусской скорописью первой четверти XVII в.

Первая из этих песен, о «весновой» службе, более легкой, чем «зимовая», — очевидно, песня отряда военных людей, может быть, судя по ритму, походная. Ее вариант был записан от казаков на Алтае около Семипалатинска совсем недавно, в XIX в. Вторая песня исторического содержания: она посвящена популярному герою борьбы с польско-литовскими интервентами воеводе князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Третья и пятая песни — о царевне Ксении Борисовне Годуновой, потерявшей свое положение после гибели ее отца. В ней отразилось сочувственное отношение народа к судьбе этой девушки. Схожие со свадебными плачами невесты, песни эти пелись о ней еще при ее жизни (она умерла в 1622 г. монахиней в Суздале). Четвертая песня — о везде возвращавшегося из литовского плена в Москву патриарха Филарета Никитича. Он вернулся 14 июня

1619 г., стало быть, Ричард Джемс сам мог быть свидетелем этого события. Песня точно передает известные по надежным источникам подробности, а именно то, что Филарета Никитича сопровождал вернувшийся с ним из плена боярин Михаил Борисович Шеин и что по вступлении в Москву «пошли они к Пречистой соборной», т. е. в кремлевский Успенский собор. Кстати сказать, время возвращения Филарета Никитича, о котором поется в этой песне, показывает, что все песни были записаны — а записаны они одним почерком — в 1619—1620 гг. последняя, шестая песня — о набеге на Русь в 1572 г. крымского хана Девлет-Гирея с сыном, внуком, дядей и воеводой Диви-Мурзой. Татары заранее поделили русские города, причем Диви-Мурзе достался Новгород, но были отбиты московскими воеводами, и взятый в плен Диви-Мурза был отправлен «на бреженье» именно в Новгород. Запись этих песен — древнейшая из известных сейчас записей русских народных песен — могла быть сделана для Ричарда Джемса как в Москве, так и в Архангельске или в Холмогорах. По оценке Буслаева, песни, записанные для Ричарда Джемса, — лучшие русские исторические песни XVII в.

Текст Песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг., издается по фототипическому воспроизведению этой записи в книге: С и м о н и П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907.

Курсивом набираются слова, очевидно пропущенные переписчиком.

ПЕСНИ В ЗАПИСИ С. И. ПАЗУХИНА

Две лирические песни в записи Семена Ивановича Пазухина обнаружены на обороте одного из документов XVII в., хранящихся в архиве дворянского рода Пазухиных в РГБ. Они были опубликованы в 1953 г. И. М. Кудрявцевым (Кудрявцев И. М. Две лирические песни, записанные в XVII веке // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 380—386). Семен Иванович Пазухин — прадед Н. М. Карамзина по материнской линии. Он был служилым дворянином: в 1669—1673 гг. принимал участие в посольстве в Среднюю Азию, по возвращении стал стрелецким головой в Корсуни, затем, в 1677 г., — в Тагаеве на Симбирской черте; в 1678 г. он был под Чигирином, в 1679 г. — под Киевом, в 1680 г. — в Путивле; в том же году под Тамбовом и Козловом «вал по черте делал»; тогда же по приказу К. О. Щербатова вел розыск в г. Тальце по жалобам рейтар, ограбленных посадскими людьми. На обороте черновика этого дела, датированного 1680 г., он и записал две лирические песни. После этого С. И. Пазухин был в Белгороде, участвовал в Азовском, Ругодевском и Дорогобужском походах; конвоировал пленных шведов из Москвы в Нижний Новгород. Умер в 1709 г.

Судя по почерку записи песен, она сделана около 1680 г., не позднее 1680-х гг. Лица, чьи имена как владельцев (или авторов?) песен С. И. Пазухин записал, неизвестны. Песни созданы, как видно, в служилой среде (упоминаются «служба», «воеводы»). Они свободны от влияния книжной силлабической поэзии; основа их — народная лирика. Это старейшие образцы такого рода лирических песен-стихотворений. И. М. Кудрявцевым опубликована и фотокопия записи С. И. Пазухина. Он обратил внимание на то, что перед фразами «о здоровье мила друга спрошаю» (в первой песне) и «хорошо ли в поле луги зеленеют» (во второй) стоит обведенная кружочком буква «в», т. е. цифра 2, указывающая на повторение. В записи эти фразы не повторяются.

Текст песен воспроизводится здесь с учетом оригинала записи: восстановлены еры, слова «да родился» в публикации И. М. Кудрявцева исправлены на «дородился».

ПЕСНИ П. А. САМАРИНА-КВАШНИНА

В конце 1920-х гг. при разборе документов XVII в. из архива московских дворян Самариных-Квашниных были обнаружены — на обороте писем, челобитных и прочих бумаг хозяйственного назначения — записи (свыше 20) любовных песен и фрагментов из них, написанные неразборчивой черновой скорописью. Анализ почерка записей и их содержания, проделанный М. Н. Сперанским, их первым издателем (см.: Сперанский М. Н. Из материалов для истории устной песни // Изв. АН СССР. VII серия. 1932. № 10. С. 913—934), показал, что все записи (за исключением одной) являются автографом Петра Андреевича Самарина-Квашнина и датируются временем после 1681 г. Согласно мнению М. Н. Сперанского, эти записи представляют собой фиксацию (по памяти) народных песен и должны рассматриваться как ранние записи устнопозитической лирики. Последующее изучение записей и рукописей, их содержащих (В. В. Данилов, В. П. Адрианова-Перетц и др.), позволило установить, что записи П. А. Самарина отражают процесс индивидуального творчества; этим объясняются многочисленные исправления в рукописных текстах, существование рядом нескольких вариантов одного и того же фрагмента, неоконченность некоторых записей. Песни П. А. Самарина — это авторский текст, созданный на основе народной лирической песни.

П. А. Самарин-Квашнин (родился предположительно в 1671 г., умер — не ранее 1736 г.) происходил из старинного (времен Дмитрия Донского) боярского рода Квашниных (отец его, Андрей Никитич, гордись древностью рода, писал в одной из челобитных: «...а мы... людишка родословные болши трех сот лет...»), однако ни его отец, служивший стольником у царя Алексея Михайловича, затем — воеводой в Самаре, ни тем более он сам, отнюдь не входили в круг «первых людей» государства. О биографии П. А. Самарина известно немного: в 1685 и 1698 гг. был стольником царицы Прасковьи Федоровны (жены царя Ивана, брата Петра), почему-то не участвовал в Азовском походе 1696 г. (в Разрядный приказ были внесены деньги — 100 рублей — вместо «Азовской службы»), в 1698 г. женился на вдове, Аграфене Михайловне Ржевской, в 1700 г. — был воеводой в Ярославле.

Записи песен (судя по их характеру и датам документов, использованных в качестве писчего материала) относятся, по-видимому, к концу 1680-х—началу 1690-х гг. Любопытно, что ряд мотивов песен П. А. Самарина и даже совпадающие фрагменты текстов можно обнаружить в записях XIX в. П. И. Якушкина, в том числе сделанных в Тверской губернии (ср.: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. Т. 2. № 304, 362, 366, 377, 380, 396, 422, 449 и др.), что вряд ли является случайным совпадением, так как родовые поместья матери П. А. Самарина Аксиньи Семеновны Шаховской — тверские (ржевские, елецкие) села. Техника создания стихов П. А. Самарина еще достаточно наивна: отдельные, запомнившиеся фразы из народных песен П. А. Самарин использовал как «кирпичи» для «строительства» нового — своего — текста (в отношении к исходному литературному материалу П. А. Самарин был вполне средневековым автором, использовавшим привычный метод компиляции). Одновременно в песнях П. А. Самарина возникает ряд новых — книжных по происхождению — мотивов, навеянных переводной галантной повестью конца XVII в. (мотив женской красоты, портрета возлюбленной и др.). Песни молодого стольника царицы Прасковьи Федоровны — яркий памятник русской любовной лирики эпохи культурного перелома: они позволяют наглядно увидеть возникновение в конце XVII в. индивидуальной авторской лирики, вырастающей из двух начал, — стихии народной лирической песни и традиций книжной культуры.

Для публикации отобрано тринадцать песен (полное современное издание: Демократическая поэзия XVII в. / Подг. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 93—104); тексты сверены с автографами (ГИМ ОПИ, ф. 253, д. 26, л. 7 об., 13, 50 об., 50, 51, 18 об., 34 об., 35 об., 52).